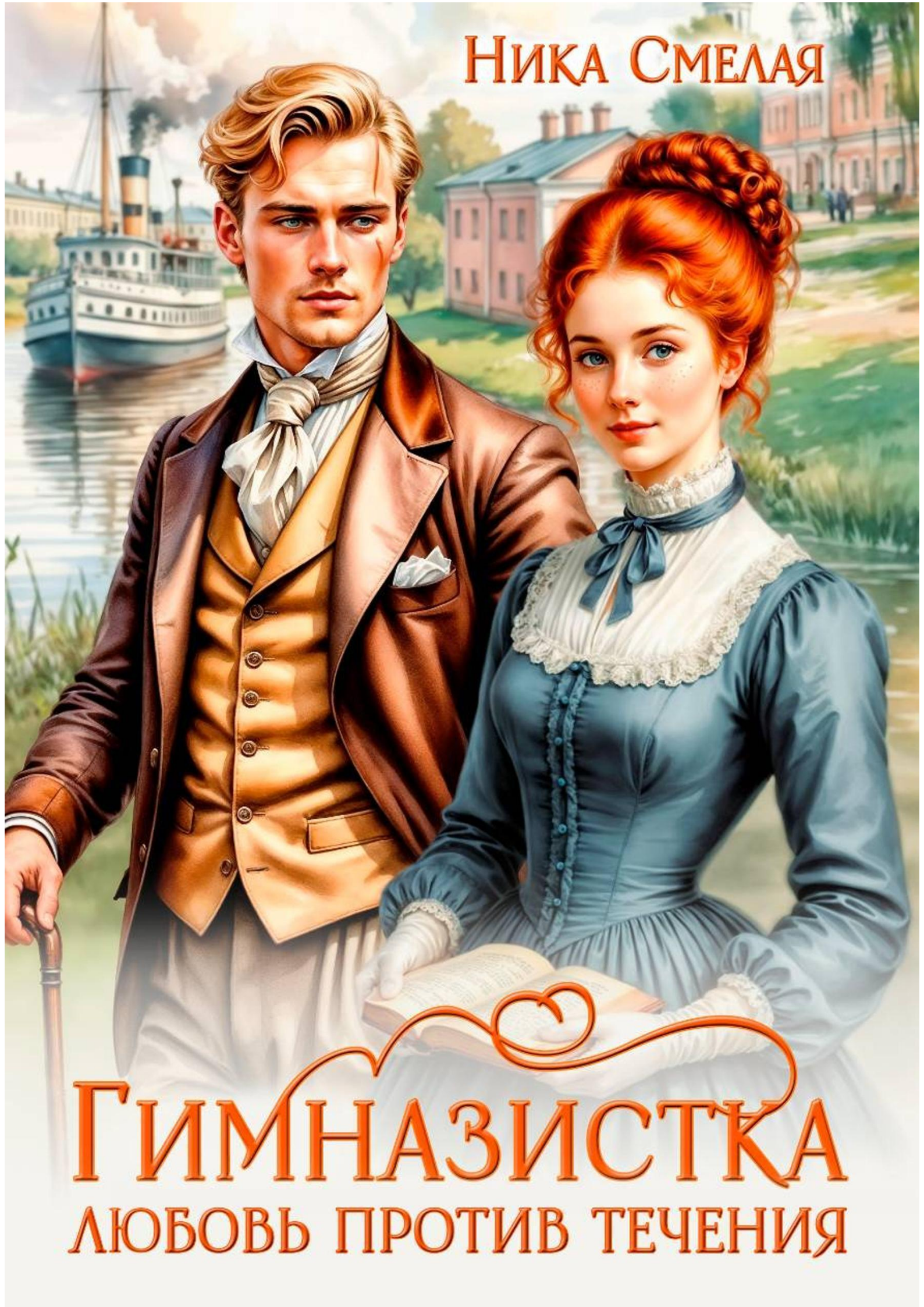

НИКА СМЕЛАЯ

ГИМНАЗИСТКА
ЛЮБОВЬ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Будущее в прошлом

Ника Смелая

**Гимназистка. Любовь
против течения**

«Автор»

2026

Смелая Н.

Гимназистка. Любовь против течения / Н. Смелая — «Автор»,
2026 — (Будущее в прошлом)

Я умерла, но это неточно. Потому что вместо райских куш попала в прошлое, в город ссыльных и речного пароходства. Была бухгалтером, а стала молоденькой выпускницей Вятской гимназии, которой папенька оставил богатое приданое. Обрато мне не вернуться. Навязчивые женихи не дают прохода. Поэтому я согласилась на брак по расчету с самым богатым купцом города, который на мои капиталы не претендует, и предложила помощь в делах. Но он только посмеялся и назвал меня болотной лягушкой, которой лучше сидеть дома и не квакать. Ещё чего? Тайком нашла работу счетовода и даже подписала бумаги о трудоустройстве. Стоп! Как это меня нанял конкурент жениха? Что же теперь будет?

© Смелая Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Гражданин"	5
Глава 2 Утонуть дважды	8
Глава 3 Замуж или побираться	11
Глава 4 Дорогая рубашка	14
Глава 5 Двоюродный брат	17
Глава 6 Обходной путь	20
Глава 7 Яков Тырышкин	23
Глава 8 Мне нужна работа	26
Глава 9 Город Вятка	29
Глава 10 Спасибо за сына	32
Глава 11 Откуда вы такая?	35
Глава 12 Натворила дел	39
Глава 13 Смышлёная невеста	42
Глава 14 Проверка на вшивость	45
Глава 15 Затащить в постель	48
Глава 16 Пути Господни	51
Глава 17 Непостоянная Фортуна	53
Глава 18 Не хочу быть куклой	56
Глава 19 Нравлюсь тебе?	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ника Смелая

Гимназистка. Любовь против течения

Глава 1 "Гражданин"

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами за доли секунды. Никогда не думала, что мне доведётся это проверить. Но судьба распорядилась иначе.

Неудачно поскользнувшись на подвесном мосту, я оказалась в толще речной воды. Вот только вопреки расхожему мнению, перед глазами возникла далеко не картина прожитых мною лет. И она не пронеслась в момент, а довольно-таки длительное время транслировалась во всех подробностях. Так, будто время остановилось, а я оказалась в каком-то межмирном кинематографе. И не смотреть представляемый моему вниманию фильм варианта не было.

— Проходим, граждане пассажиры. Проходим! — кричал широкоплечий бородатый мужик разношерстному люду, поднимающемуся по трапу на новенький речной пароход.

Вернее, выглядела плавучая махина как допотопный лопастной агрегат, который был не ржавым и потрёпанным или выкрашенным реставраторами как на архивных снимках, а как тот, что “только с завода”.

— Чего остановилась, красавица? Шагай смелее, не задерживай очередь, — обратился всё тот же мужик к медноволосой молодой особе, которая застыла на месте, разглядывая огромный двухпалубный пароход.

Вздёрнутый носик, веснушки и большие зеленые глаза дополняли образ рыженькой девушки, делаая её похожей больше на эльфа или фейри, нежели на среднестатистическую барышню. А, судя модному разве что в XIX веке простому платью, рюшкам, тканевому зонтику от солнца и томику стихов Лермонтова, который она сжимала в руках, сия особа относилась именно к последним.

Строгий пучок, белые перчатки, наряд, закрывающий тело от горла практически до пят, выдавали в ней студентку или ученицу какого-то профессионального лица, так как на вид я бы дала ей лет восемнадцать.

— Простите, любезнейший, — промурлыкала в ответ девушка. — Залюбовалась. Уже бегу, — улыбнулась рыженькая и бодрым шагом двинулась вперёд.

— Проходим, проходим! Не задерживаем! Да не толпитесь вы там внизу! Первый бесплатный рейс всех не вместит. Поэтому начальство решило пустить следом ещё один. Успеете, хорош толкаться!

Пока внимание экипажа и помощников было сосредоточено на пассажирах, моё привлёк один странный тип в дорогом костюме-тройке, который стоял чуть поодаль от парохода и внимательно наблюдал за происходящим. Вроде ничем не выделялся из общей массы: такой же стиль одежды, будто всё имело место быть в каком-нибудь историческом фильме, трость в руке, шейный платок, на минуточку, а не галстук. Только глаза какие-то странные. Не голубые или серые, а... синие. Но надолго на этом странном человеке сосредоточиться у меня не вышло. Меня буквально тянуло обратно к молодой особе, которая уже миновала первый “этаж” парохода.

Давка на трапе и голос здоровяка остались позади, когда рыженькая незнакомка добралась до верхней палубы и устроилась на скамейке под навесом от солнца, которое, кстати, светило очень ярко. Дул приятный весенний ветерок, на берегах зеленела свежая трава, река весело шумела, огибая днище плавсредства, которое совсем скоро должно было отправиться в путь.

Конкретно это, судя по надписи на боковине, должно было доплыть из Вятки в Орлов и обратно. Назывался пароход-красавец “Гражданин” и походил больше на грузовое судно, временно оборудованное для перевозки пассажиров: лавочек было всего две, навесик крохотный, видами не полюбишься. Но бодро выбивавшихся на борт людей это не беспокоило.

— Не зря с рассветом из гимназии ушмыгнули. В первых рядах оказалось у трапа, — к зеленоглазке подседа роскошная блондинка, пшеничные локоны которой свободно спадали ей на плечи.

Платье при этом на ней было такое же, как на рыженькой. Соученица.

— Даже думать не хочу, что бы случилось, если бы пришлось толкаться сейчас там внизу с потными мужиками, — скривилась более бойкая девушка.

— Что ты такое говоришь, Олюшка. Некультурно это, — потупила взгляд её спутница.

— Ой, ладно тебе! Забыли. Главное, что мы здесь. Красота-то какая! — блондинка приналась вглядываться в речной простор. — Если бы не эта серость на горизонте, вообще было бы здорово. Не приведи Боже под дождь попасть.

Но Всевышний, кажется, её не услышал. Потому что стоило пароходу загудеть и отправиться в путь, небо затянуло свинцовыми тучами. Пейзаж из радостного весеннего превратился в нечто мрачное и депрессивное. По навесу забарабанили крупные капли.

Те пассажиры, которым сначала повезло выйти на небольшую смотровую площадку, жались друг к другу, пытаясь не намочнуть. Но общий настрой всё равно оставался каким-то странно-задорным. Люди улюлюкали, где-то в хвосте парохода пели песни, слышался смех и шутки. Погода смущала разве что подружек-учениц и капитана судна, который с очень недовольным крутил большое колесо у себя в рубке на самом верхнем уровне.

— Катюша! Катенька! — через шум дождя донёсся голос Олюшки. — Свидилов и Михеев тоже на рейс попали.

— Кто?

— Ухажеры твои. Вон на нижней палубе устроились. Глаз с тебя не сводят. Откуда только узнали, что мы сбежали с занятий? Готова поспорить, что скоро подойдут. Как думаешь, кто из них окажется смелее? — блондинка несильно ткнула рыженькую локтем в бок.

— Надеюсь, что не решатся. Принесла же их нелёгкая, — прижимая к груди томик со стихами, Катюша затряслась то ли от холода, то ли от страха.

— Ой, да ладно тебе. Известные в городе купцы. Среднего звена, но хороши собой, молоды. Почему бы не выбрать одного из них в женихи? — не унималась Ольга.

— Тебе надо, вот ты и выбирай, — пряча лицо, ответила более скромная Катя.

— За мной такое приданое не дают. Да и охотников на мне жениться пока не наблюдается. А у тебя их хоть отбавляй, — мечтательно вздыхая, напомнила подруге блондинка.

— Горе это, а не охотники. Сама же говоришь, что им не я нужна, а обещанное папенькой приданое.

— Катюш, а ты, плавать, часом, не разучилась, — поинтересовалась вдруг Ольга.

— Нет. С чего вдруг?

— Да так, блажь одна в голову пришла. Интересно, правда ли, что достойный человек рискнёт собой ради дамы? — задумалась более бойкая из подруг. — Женишки твои, кстати, решились-таки. Вон, на вторую палубу пробираются, — блондинка указала куда-то вглубь парохода, а я вздрогнула.

Да! Именно я, не Катя. Сама не знаю, в какой момент превратилась из стороннего наблюдателя в непосредственного участника происходящего, но теперь тот томик со стихами в руках держала уже не рыженькая девушка с конопушками, а я сама.

— Если не хочешь с ними столкнуться, то перейди-ка, лучше, на ту сторону, — услышала за спиной и уверенно зашагала туда, куда было велено.

Ноги не слушались, тело озябло в тонком летнем наряде, а дождь и брызги речной воды, которые приносил в лицо ветер только усугубляли ситуацию.

Не успела я перейти на левую часть палубы, как меня что-то сильно толкнуло в спину, а в следующую секунду я уже оказалась в холодной мутной речной воде.

И всё бы ничего, ведь Катя заверила подругу, что не разучилась плавать, и не увидеть, что барышня упала за борт, экипаж просто не мог. Её бы непременно спасли. Вот только в теле её в момент падения за борт оказалась я, которая на воде держалась не лучше булыжника. И на этот раз тонуть мне пришлось уже по-настоящему.

Глава 2 Утонуть дважды

Меня тут же затянуло в пучину. Рвануло в сторону не просто по направлению течения, а намного быстрее.

“Лопастии!” — пронеслось у меня в голове, когда сквозь толщу воды я различила глухие мощные удары. Холодная противная жидкость, кстати, попала в нос, рот, заливала глаза. Паника накрыла с головой. Платье мгновенно намокло и стало настолько тяжелым, что меня потянуло дальше с удвоенной силой. Шансов на спасение не было.

Я судорожно брыкалась, колотила руками, дрыгала ногами, но меня тащило всё ближе к источнику тех самых глухих ударов. К лопастям.

На этот раз никаких картин перед внутренним взором не возникло. Я вообще почти ничего не видела, кроме мутной речной толщи. Меня болтало и крутило, я попыталась вдохнуть, но сделала только хуже, заглатывая ещё больше воды. Несмотря на то, что она была холодной, лёгкие обожгло огнём.

В какой-то момент поймала себя на мысли, что хочу как можно скорее оказаться уже под теми самыми лопастями, чтобы не мучиться и не встретить кончину в жуткой агонии утопления, но и тут меня ждало разочарование.

Что-то бухнуло совсем рядом, и меня резко потянуло на дно. Пара мгновений и медленное погружение сменилось резким толчком. Таким, словно меня протащило под теми самыми лопастями, а затем выбросило, как пробку из бутылки какого-нибудь шипучего напитка.

Ни ухающего звука, ни шума парохода слышно не было. Это теперь я понимаю, что виной тому было моё шоковое состояние, но тогда мне показалось, что меня вырвало из видения о рыжей Катеньке обратно в мою собственную реальность, где я, не будем об этом забывать, тоже тонула.

Хватая ртом воздух, не могла поверить, что выбралась из водного плена. А дикий кашель, при помощи которого моё тело пыталось избавиться от попавшей в лёгкие воды, не давал сконцентрировать внимание. Я всё ещё судорожно колотила руками по воде и пыталась барахтаться, но мне то и дело мешало что-то совсем рядом.

— Да прекратите вы дрыгаться! — раздалось у меня прямо над ухом. — Оба же утопнем! Мужской незнакомый голос. Командный тон заставил замереть ненадолго.

— Вот так, спокойно, — меня обхватили сильные руки, к телу прижалось чужое. — Я обниму, уж простите. Хватайтесь за шею, щщщ!

Последнее “щщщ!” стало реакцией на мою неловкую попытку зацепиться за пытающего спасти меня и не утонуть самому человека. Разбираться что и как желания не было. Дикий кашель просто душил. Я по-прежнему не могла нормально дышать. Каждый глоток воздуха обжигал лёгкие огнём, глаза заливало потоком хлынувших из них слёз облегчения, с неба на нас обрушивался настоящий едва ли не град, а вокруг кроме холодной воды не было ничего.

Хотя нет, рядом был он. Незнакомец, который взялся неизвестно откуда и рисковал жизнью ради меня.

— Да что ж ты будешь делать? Не топите меня, — разозлился мужчина, когда я попыталась ухватиться покрепче.

И тут я поняла. Платье. На мне всё ещё был тот самый наряд с корсетом и пышной юбкой. Первый не давал дышать, а вторая тянула на дно так, будто к моим ногам привязали гири.

Не в силах сказать ни слова, я попыталась нащупать пуговицы или на что там застёгивалась эта сдавливающая грудь конструкция, но тщетно. Кашель и шок вкупе с полным неприятием того, что всё это действительно происходит со мной, сделали из меня амёбу, не иначе.

Голова не соображала. Единственное, о чём я могла тогда думать, — это жажда жизни. Умирать мне не хотелось от слова совсем.

— Что? Корсет? — заметив, как я шарю по своему телу рукой в нелепых попытках освободиться от удавки в виде раритетного предмета гардероба, мужчина нащупал что-то у меня на спине и потянул, скорее всего, за завязки.

Стало легче, но шнуровка намокла и поддавалась с трудом.

— Боже правый! Никогда ещё не раздевал даму в таких условиях. Наберите воздуха в лёгкие и представьте, что вы — шарик. Это поможет держаться на воде, пока я ослаблю крепление.

Шарик? Он издевается? Хотела было возразить, но в моём положении лучше было помалкивать и делать как велено. Иначе мы и впрямь рисковали утонуть на пару. Совет, как ни странно, оказался дельным. Мужчина перевернул меня к себе спиной и занялся высвобождением не моего тела из плена корсета, пока я усиленно усиленно представляла себя большой надувшейся жабой. Не лягушкой, а огромной коричневой пучеглазой наземной амфибией. Почему-то именно такая ассоциация пришла в голову. Неуклюжее, выпучившее от ужаса и шока глаза, неспособное плавать создание, которому велели сделаться шариком. Что ещё можно было вообразить?

Мой спаситель справился довольно быстро, и через каких-то минуту или две я уже могла дышать полной грудью. Хотя, что греха таить, по этой части Боженька Катерину явно обделил. Мужчина дёрнул завязки и на юбке, отчего ту сразу же сорвало с меня течением. Следом за ней отправилась и верхняя часть гардероба барышни. И осталась она, вернее я, в какой-то ночнушке, которая задралась до самой шеи, всплывая на поверхность.

— Вода мутная, мне ничего не видно. За честь свою можете не переживать, — разворачивая меня к себе лицом, сказал мужчина.

Тут-то я его и разглядела. И знаете что? Скажу, как на духу: такому при более тесном знакомстве, ведущем к чему-то большему, не грех было бы и показать... что он там не мог рассмотреть. Крепко сложенный блондин с пронзительными голубыми глазами уставился на меня с нескрываемым волнением.

— Полегчало? Дышать можете? — поинтересовался он, обхватывая меня за талию и притягивая к себе, пока сам пытался удержаться на плаву.

У меня от неожиданной близости рельефного крепкого тела (а руками своими я нащупала именно такое) ком встал в горле. Поэтому я только кивнула в ответ, пока сама разглядывала молодого человека. Густые брови вразлёт, прямой длинный нос, чётко очерченные губы, скулы и симпатичная ямочка на подбородке. Всем хорош, если бы не глаза. Массивное нависающее веко делало их какими-то грустными, и это не зависело от его выражения лица. Про такие говорят: печальные очи. А ещё на правой стороне лица у него прилипло что-то тёмное. Ряска? Водоросли? Никак не могла понять что, так и хотелось отцепить бяку. Я даже руку протянула...

— Вот и замечательно. Пароход не вернётся. Нужно выбраться на берег и дожидаться лодки. Команда спустит её на воду, и нас найдут.

Мне бы вздохнуть от облегчения, но я вскрикнула от ужаса, потому что именно тогда сверкнула молния, и я поняла, что никакие это не водоросли. На левой стороне лица мужчины виднелась ужасная кровавая рана, из которой непрерывно сочилась густая алая жидкость. Дождь, который так и лил, как из ведра, смывал её в реку, открывая глазам не самую приятную картину.

— Что? Плохо дело? — спросил блондин, морщась.

Я снова кивнула, пытаясь подавить в себе желание оттолкнуть его прочь. Ведь сделай я это, утонула бы тот час.

— Ладно. Потом разберемся. Не смотрите, коли всё так страшно. Держитесь за плечи, поплывём к берегу, — он осторожно развернулся, давая мне возможность перехватиться поудобнее, и мы поплыли.

Больше незнакомец не сказал ни слова, а я просто не смогла из себя выдавить даже банальной благодарности. Было стыдно, но холодная вода и трясущееся от гипотермии тело настраивали на режим выживания, а не мук совести. Поэтому я как можно теснее прижалась к блондину, который оказался единственным источником тепла поблизости.

“Только бы он справился и смог доплыть до берега. А уж прощения за своё поведение я смогу попросить и после... если не проснусь в каком-нибудь раю или аду, ” — думала я, заприметив земную твердь и борясь с дикой сонливостью и слабостью, которые навалились на меня, словно сговорившись.

Но проснулась я не на берегу реки и не на том свете, а в тёплой пуховой постели в незнакомой мне комнате. И судя по тому, что на плечи мне спадали рыжие волнистые локоны, на мир я по-прежнему смотрела глазами Катеньки из моего странного, но такого реального видения.

Глава 3 Замуж или побираться

— Я только одним глазком гляну и назад! — в комнату вместе с потоком свежего воздуха ворвалась уже знакомая мне блондинка. — Ой!

Ольга замерла в дверях, уставившись на меня. За её спиной возникла высокая широкая фигура дамы в летах, больше походящей на самоварную бабу. Волосы с проседью собраны в строгий пучок, серое строгое платье и сведённые вместе брови выдавали в женщине если не надсмотрщицу или директрису, то как минимум педагога.

— Ирина Викторовна, Катя-то наша очнулась, — бледнея и указывая на меня пальцем почти прошептала “подруга”.

— Неужто? — отталкивая худенькую девушку в сторону, не поверила ей женщина и протиснулась вперёд. — Батюшки святы! И правда. Катерина, как ты себя чувствуешь? Где болит? Отправить за доктором?

Матрона подошла к постели, на которой я лежала, перекрестилась и принялась ахать и охать.

— Что же ты молчишь, Катерина? Или голос пропал? — поинтересовалась она.

— Нет, — хрипло ответила я вместо пострадавшей.

Пришлось прочистить горло, так как говорить и впрямь было трудно. Тут же вспомнила как наглоталась воды и каким диким кашлем заходилась, пытаясь восстановить дыхание, когда оказалась на поверхности.

— Вот и хорошо. Вот и ладно. Как же ты так неудачно поскользнулась-то милая? Сам Господь Бог тебя упас от верной смерти. Как подумаю, что утопнуть ты могла, так мне дурно делается, аж заикаться начинаю, — причитала пышнотелая дама. — Ох, и натворили же вы дел! И ты и Олюшка. Она-то наказана уже, а вот тебе директриса, так уж и быть, выговор в личное дело записывать не стала. Дай Бог здоровья дядюшке твоему, Катенька. Кстати, надо же ему радостную весть сообщить. Обрадуется, поди.

С этими словами Ирина Викторовна выбежала из комнаты, бубня себе под нос что-то вроде: “Хоть бы не гневался Яков Ляксеич! Хоть бы пронесло!”.

Ольга дождалась пока та скроется из виду, закрыла дверь и повернула ключ в замке, изрядно меня этим напугав.

— Ты чего это...

— От греха заперла, чтоб не вошёл никто. Ты чего натворила, Катюш? Зачем так убедительно тонуть-то стала? Ты же лучшая плавчиха у нас. Даже я тебе в подметки не гожусь. — Блондинка тут же уселась на мою постель и принялась отчитывать за неумение держаться на воде.

— Да я... Это... Ну... в грозу да вречке особо не поплаваешь.

— Что за “ну”? Когда это в твоей речи появилось это слово-паразит? Видно, и впрямь воды наглоталась. — Ольга посмотрела строго, как бывало делала это моя мама, если я провинюсь, чем очень удивила.

Вот это наглость. Толкнула подругу за борт, а теперь нотации читает.

— Ладно. Если серьёзно, то я не думала, что ты и впрямь пойдёшь ко дну. Мне очень жаль, дорогая, — блондинка обняла меня так крепко, что я поняла - ей и впрямь стыдно. — Мигера так голосила, что я чуть Богу душу не отдала.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что речь шла о главе гимназии.

— А как она узнала? — конечно же я имела в виду то, как Ольга решила мне подсобить с выбором достойного жениха.

— Утром обход был. Мы комнату заперли, когда сбежали, зайти они не смогли, а окно открыто осталось. Снаружи подсмотрели и увидели пустые постели. Я сказала, что это был наш

выходной, и держать нас в гимназии силком запрещено, но разве ж меня слушали? В итоге мне неделю теперь сидеть взаперти, — девушка обреченно вздохнула, будто её не прогулок лишили, а замуровали. — Но есть и плюсы. Теперь мы знаем, что ни Свиридов ни Михеев в женихи тебе не годятся. Они даже не шелохнулись, когда ты за борт вывалилась.

— Вот и славно, — сказала я, а сама осмотрелась.

Выкрашенные в бежевый цвет стены, простая деревянная мебель, но постель на стальном каркасе с мягкой пуховой периной. На окнах желтые ужасные занавески, пахнет затхлостью и сыростью. И холодно, будто о центральном отоплении тут никогда не слышали.

— Что славно? Кто тебя спас-то? Рассказывай! — девушка схватила меня за запястья, явно ожидая услышать ответ. — Все бросились смотреть кто тонет, да так и не поняли, кто за тобой нырнул.

А я мало того, что не знала кто это был, я вообще не понимала где нахожусь и почему оказалась “исполняющей обязанности Катеньки”. Меня вали Карина Велихова, тридцати годов от роду, я - бухгалтер в крупной фирме. Была. Пока не ухнула в речку с моста и не отчалила в мир иной, глядя на декорации которого так и хотелось сказать: “Так вот ты какой - цветочек аленькай.”*

— Я не знаю, — ответила тоненьким голоском рыженькой ученицы гимназии.

— Как это? Неужто не запомнила?

— Нет, — постаралась отвести взгляд, чтобы не выдать того, что нагло лгу. Спасителя своего я прекрасно разглядела и очень бы хотела поблагодарить, если б выжила.

И вот я, вполне себе здорова. Физически, по крайней мере. Правда немного Катенька и рыжая, но дышу ведь? Пока.

— А как же лодка? Разве вам не сказали, кто это был? — решила всё же поинтересоваться я. Вдруг успею хоть записку отправить блондинчку с грустными глазами. Пусть от имени гимназистки, но написанную моей рукой. Не стоило мне так вопить при виде шрама. Он, видно, когда девушку спасать сиганул, поранился, а я так некрасиво себя повела.

— Так твой дядюшка велел всем об этом помалкивать. Никто ничего не знает. Мужики, которые тебя нашли будто воды в рот набрали.

От последних её слов мне стало тошно. Тут же вспомнила как нахлебалась ледяной речной водицы и скривилась.

— Ой, извини. Не хотела напоминать. У тебя правда ничего не болит? Ты какая-то сама не своя, — Ольга попала в точку. Именно так я себя и ощущала. Не в своём теле, не в своём времени, не своём...всём.

Блондинка, что сидела теперь на краешке постели, была одета в то же устаревшее платье с корсетом. Может, сменила уже, но, видимо, форма одежды в этом учебном заведении была такая. Хотя в гимназии ведь девочки учились помладше. И наряды у них были попроще. Так почему эти две подружки, которые на вид очень даже совершеннолетние, до сих пор числились в гимназистках?

— Ничего не болит. А где моя одежда? — поняла, что на мне кроме хлопковой ночнушки ничего нет.

— Я не знала, что ты пришла в себя. Вот и не прихватила. В комнате нашей, конечно же. Схожу принесу. Или, может, сама дойдёшь? Мы в нашем крыле как раз.

— Нет, давай лучше ты. Только, Оль, — я сделала паузу, не решаясь спросить. — Напомни, который сейчас...

— День? Вторник, — улыбнулась мне Катина подруга. — Ты всего сутки тут пролежала. Доктор так и сказал, что ничего серьёзного, просто охлаждение и шок. Пугал, что у тебя может быть потеря координации и ориентации в пространстве, а ещё памяти. Но, видимо, это он так, хотел матрон наших пострадать.

— Нет. Год какой? — всё же вставила я.

— У-у-у, амнезия всё-таки имеется. Тыща восемьсот семьдесят третий от Рождества Христова, милая. Начало мая. Нам до выпуска осталось всего ничего. Вернее, это мне до выпуска, а тебе до замужества, дорогая.

— Как это? Женихи ведь трусили, — опешила я.

— Эти да. Но за тобой таких как они пол города бегают. Это тоже забыла? Тебе отсюда, Катенька, дорога либо на улицу либо под венец.

— Почему это? Разве та женщина не сказала, что мой дядя - какой-то влиятельный человек? Отец, стало быть, тоже не из бедных? — не поняла я.

— Потому что ты - сирота. Родители твои почили, оставив тебе огромное состояние, которое ты получишь только выйдя замуж. А если заартачишься, не видать тебе ни денег ни хорошей жизни, подруга. Поэтому жениха выбрать придётся до выпуска, иначе жить тебе в подворотнях, Катенька. Неудивительно, что ты об этом забыла. Если бы я в таком положении оказалась, тоже не хотела бы помнить о таком, — Ольга сложила руки на груди и тяжело вздохнула.

— А когда выпуск? — у меня руки похолодели. Незавидная судьба ждала Екатерину.

— Через месяц. Я за одеждой, а потом помогу тебе к нам перебраться. Не ровём час и правда дядя твой заявится. Негоже перед бывшим городским главой в исподнем щеголять.

— Неужели дядя так и выбросит племянницу побираться? Как же так? — у меня глаза на лоб полезли.

— Яков Алексеич бы и рад тебя приютить, но по завещению папеньки твоего ему запрещено вмешиваться, — ответила уже в дверях подруга.

Она ушла, а я осталась одна. В полном шоке. От того, что неизвестно как оказалась в своём предсмертном видении. От незавидной судьбы Катеньки. Потому что такая скромница как она достойного муж(ик)а за месяц точно не найдёт. В лучшем случае выйдет за того, кто окажется напористее остальных. Жалко рыженькую стало. Натолько, что захотелось побыть в её теле ещё хоть немного...

**Цитата из художественного фильма-сказки «Аленький цветочек».*

Глава 4 Дорогая рубашка

Ольга вернулась быстро. Принесла такое же как у неё платье, которое на мне смотрелось куда скромнее. Немудрено, ведь блондинка по части женской красоты была одарена куда больше Катеньки. Красивущие голубые глаза, симпатичный румянец на пухленьких щёчках, шикарные пшеничные волосы, которые в гимназии приходилось собирать в уродливый пучок, большая грудь, тонкая талия, длинные ноги и ровная осанка делали её больше похожей на какую-нибудь мультяшную принцессу нежели на ученицу гимназии.

А от её подруге перепало значительно меньше. Невысокого роста, зеленоглазая девчонка в канопушках, с непослушными рыжим волосами, которые даже в пучок укладываться отказывались, выбиваясь торчащими то тут то там прядями. Тонкие худые руки, острые коленки, а грудь...обнять и плакать, как говорится. Мне как обладательнице третьего размера (до того как утонула) было совершенно непривычно смотреть вниз и видеть не соблазнительную ложбинку, а пол под ногами.

Всё это я сумела основательно разглядеть в зеркале комнаты, в которую меня привела Ольга. В гимназии старшие девушки жили парами, а младшие по трое или четверо. Интерьер был довольно простым: две кровати, заправленные постельным бельём, шкаф, в котором подруги хранили свои наряды, и на котором размещались коробки для шляпок и пара небольших кожаных чемоданов, умывальник, два стола у окна и книжные полки над ними. Окна занавешивали всё теми же жуткими желтыми занавесками, которые, нужно отдать должное, были выстираны, а не собирали тонные пыли как это обычно бывало в казённых учреждениях.

— Уютненько, — сказала я, закончив разглядывать убранство комнаты, в котором мне, по всей видимости, было суждено провести какое-то время.

Сколько именно я не знала, но хотелось верить, что довольно продолжительное, так как надежд на то, что в своём мире мне удалось спастись было крайне мало. И, честно говоря, я предпочитала быть Катенькой, но живой, нежели одинокой бухгалтершей Кариной, утонувшей в речке и похороненной на каком-то там кладбище, к могилке которой и придти-то некому.

— Скука смертная! — ответила Ольга, устроившись на стуле возле одного из письменных столов. — Кроме учебников ничего не считаешь, гулять просто так не отпускают, расписание будто у каторжников. Мы света белого не видим, на что нам уют?

Девушка явно была недовольна своим пребыванием в учебном заведении. Молодая, красивая, цветущая барышня из небедной семьи, которая никогда в жизни не горбатилась на начальство и ещё не разочаровалась в отношениях с мужчинами (в отличие от меня) хотела как можно больше времени проводить свободно. Тем более, что на улице пели птицы, светило яркое солнце. Весна вступила в свои права, природа пела и плясала, а Олюшка...сидела взаперти.

— Ладно, подруга. Раз уж ты не помнишь, кто тебя спас, я дам тебе подсказку. Самого героя никто не видел, но рубашка его никуда не делась. Что же это такое случилось там в воде, что ты осталась без платья в одном только исподнем? — девушка встала, подошла ко мне и вопросительно изогнула бровь.

Само собой, я тут же вспомнила, что именно произошло, но рассказать ей о том, что попросту не умею плавать означало выдать себя с потрохами.

— Течением сорвало, — проямлила я.

— И тесёмки развязало со шнуровкой? — Ольга нависла надо мной, выпытывая детали.

— Не з-з-наю. Я тогда плохо соображала. Не всякий день, знаешь ли, тонуть приходится. Не о том я думала.

— А рубашка-то дорогая. Нашивочка из ателье имелась. — подруга достала из внутреннего кармана платья небольшой кусочек ткани и положила мне на ладонь. — Вот, оторвала. Жаль не именная, — продолжала допытываться она.

— Когда только ты всё это успела разглядеть? — начала закипать я, понимая, что ещё немного и любопытная блондинка выведет меня из себя. А, насколько я успела понять, кроткая Катюша никогда не повышала голос и не вставляла слово поперёк.

— Тебя когда в гимназию привезли укутанную в тёплое одеяло, я помогала раздевать. Мы же подруги, мне можно. Так на тебе кроме той рубашки да исподнего ничегошеньки и не было. А ещё... — тут она сделала многозначительную паузу, но почти сразу продолжила. — там была кровь. Но на твоём-то теле ни царапинки. Значит что?

Я только крепче сцепила кулак, зажимая кусочек ткани, и отвела взгляд.

— Спаситель твой пострадал. Жаль будет, если насмерть убился...

— Да не убился он! — выпалила я, и поняла, что прокололась и теперь придётся рассказать Ольге правду. Хотя бы ту часть, которая касалась моего спасения.

Но на моё счастье, делать этого не пришлось. Дверь комнаты открылась и внутрь заглянула та самая матрона, которую я уже видела раньше.

— Катенька, золотце моё, — елейным голоском обратилась ко мне женщина. — Как хорошо, что ты уже на ножки встала. К тебе гости. Идём, моя хорошая.

Ни её тон ни натянутая улыбка мне не понравились. Выглядело это так, будто даму отчитало начальство и теперь ей отчаянно хотелось перед ним выслужиться, чтобы заработать прощение.

— Какие ещё гости? — встряла Ольга.

— Алексей Яковлевич пожаловали двоюродную сестрицу провести. Лично. — резко и недовольно ответила ей Ирина Викторовна. Если бы при этом она ещё и зашипела, то стала бы похожа на раскрывшую капюшон кобру.

Но подруга не обиделась и даже не ответила. Девушка густо покраснела, закусила губу, а затем закрыла лицо руками и резко отвернулась к окну.

— Идём, Катюша. Негоже заставлять уважаемого человека ждать, — меня потянули за руку в направлении коридора. — Ты уж будь добра, скажи, что мы тут о тебе заботимся. Не хорони репутацию родной Мариинской гимназии.

— А есть за что? — семена следом за пышной дамой, спросила я.

— Что ты такое говоришь, милая? Нет, конечно. Разве же тебе у нас плохо было все эти годы? Разве ж мы тебя в чём-то ограничивали?

Она говорила что-то ещё, а я задумась над реакцией Ольги. Если мой гость - родственник Кати, то по всему выходило, что подружка-то неровно дышит к её двоюродному брату своей соученицы. Годиков мне уже немало, повидала я такой румянец на своём бухгалтерском веку. У самой, правда, никогда так щёки не алели, но на других насмотрелась. Влюбилась красавица, к бабке гадалке не ходи.

Пока шли по коридору я разглядывала гимназию. Везде чистенько, опрятно. Снуют девочки в одинаковых платьях, чинно шествуют дамы в более строгих нарядах - педагоги. Окна местами открыты для проветривания, ветерок колышет опротивевшие мне желтые занавески. Кто только придумал повесить их на все окна?

— Вот и пришли, Катенька. Мы на тебя рассчитываем, — Ирина Викторовна смахнула с моих плечей несуществующие пылинки, зачем-то перекрестила и открыла передо мной дверь в комнату, где меня ожидал гость.

Неуверенно шагнув внутрь, зажмурилась от яркого солнечного света, который ударил по глазам. Окно было распахнуто настежь, внутри пахло вишнёвым цветом и свежестью.

— Ну здравствуй, Карина, — услышала незнакомый мужской голос, когда дверь за мной закрылась со щелчком. — Добро пожаловать в новый мир.

Стоп! Как меня только что назвали?

Глава 5 Двоюродный брат

Когда глаза привыкли к свету, я разглядела сначала фигуру, а затем и черты лица того, кто назвал меня по имени. Это был высокий статный мужчина. В одной известной песне про таких поётся “косая сажень в плече”. Серые глаза с хитринкой прятались за большими круглыми очками, густые брови, прямой длинный, симпатичные ямочки на щеках.

Незнакомцу на вид было не больше тридцати. Шатен с короткими вьющимися волосами изучающе смотрел на меня и не двигался с места.

— Что же вы застыли? Проходите. Да дверцу прикройте, будьте так любезны, — мужчина пригласил меня войти.

Я послушалась, но настороженность моя никуда не пропала. Этот человек знал моё настоящее имя, и это пугало.

— Вот и ладненько, вот и хорошо, — улыбнулся мне мой гость. — Присядете? — указал на стул, стоявший возле небольшого чайного столика. Сам же подошёл к окну и выглянул на улицу, будто проверяя, не подслушивает ли кто. Но закрывать его не стал.

— А вы...

— Ах, что же это я? Позвольте представиться. Алексей Яковлевич Прозоров, первой гильдии купец, торговец пшеном, мукой и тканями. Волею судьбы ваш двоюродный брат, — мужчина слегка поклонился, а затем... подмигнул мне. — Да не глядите вы на меня так, будто вас оторопь взяла. Я не кусаюсь.

Вот вроде и успокоил, но я почему-то не поверила.

— Доброго вам дня, Алексей Яковлевич, — поздоровалась я и всё же присела на стул, чтобы не рухнуть от того как сильно у меня затряслись ноги.

— И вам, Кариночка. И вам, — совершенно спокойно повторив моё настоящее имя, Алексей прошёлся по комнате, сложив руки на груди.

— Так вы знаете? — у меня руки похолодели от ужаса, когда я подняла на него глаза.

— Конечно. Никакая вы не Катерина Прозорова, и не родственница мне вовсе, но да и я, хвала Вселенной, не совсем Алексей. Вот только это, милая моя сестрёнка, должно остаться между нами. Посторонним о таком рассказывать не стоит. Психиатрические лечебницы в этом времени - не самое приятное место, поверьте. Я проверял, — мужчина постучал себя по виску указательным пальцем и улыбнулся так зловеще, что я тут же поняла - проверял.

— Раз так, то, может, расскажете как я сюда попала и почему это произошло? — набравшись смелости всё-таки спросила я. — Хотя нет. Лучше скажите, я правда умерла там, в своём мире?

Это было куда важнее, но почему-то волновало меня не так сильно.

— К сожалению, вдаваться в подробности я не могу. Скажу только, что обратно вам не вернуться, — назвавшийся Алексеем развёл руками и соорудил странную гримасу.

Неясно было рад он этому факту или нет.

— Поэтому предлагаю вам принять сей факт, а также то, что впредь вам предстоит не самое комфортное существование в этом мире, в теле Катеньки Прозоровой.

— Что значит не самое комфортное?

— Жили когда-нибудь в глухой деревне, где удобства на улице, а воду таскать приходится из колодца? — с заметной долей сарказма ответил вопросом на вопрос мужчина. — Панталоны, чулки, корсеты, турнюры, ночные вазы и тазы для умывания теперь станут вашими постоянными спутниками. Ах да, интернета и телефонов здесь, разумеется, тоже нет. Позависать в рилсах до полуночи не получится.

Ха! Напугал! Стало даже интересно насколько этот всезнайка был осведомлен о моей жизни до... смерти. Ведь я и так ими не пользовалась. Жила одна, никуда не ходила, телевизор

смотреть перестала с подросткового возраста, телефоном пользовалась только по работе. Другой у меня особо не было, ведь никто не хотел водиться со “странной” домоседкой, которая живому общению предпочитает сборники стихов и классические дамские романы. Всё сидела ждала своего принца на белом коне. Только почему-то не подумала, что с неба они не падают и для того, чтобы нашёлся хоть один, нужно начать выходить из дома и смотреть вокруг, а не в бесконечные страницы, заполненные печатным текстом и отчёты по работе.

— И всё? — я еле сдержала усмешку.

— Что значит всё? Разве этого мало? — удивился Алексей.

— Мне подарили второй шанс на жизнь. За чужой счёт, правда, но всё же. Разве стану я нос воротить? Катенька-то, кстати, жива или вы её... того? — этот вопрос меня тоже интересовал, так как нужно было понять насколько ужасен грех, который я беру на душу, занимая её тело.

— Жива. Но это к делу не относится.

— Вот и славно. Вот и хорошо, — передразнила я сероглазого. — Значит я тут насовсем? И от меня ничего не требуется взамен? — решила что нужно с порога брать быка за рога, раз уж ответственный за всё это безобразие пришёл ко мне лично и решил рассказать о правилах поведения в новом мире.

— Отчего же? У всего есть своя цена, — заглотив наживку Алексей. — От вас требуется помощь в одном нелёгком деле.

— В каком же? Только не говорите, что мне придётся выставить Катерину не в лучшем свете. Она, насколько я успела понять, девушка скромная и тихая. Мне её по-своему жаль.

— Это замечательно. Я, конечно, был против вашей кандидатуры, но теперь убеждён, что не зря она выбрала именно вас. Как в воду глядела. Такой цепкий ум, развитый интеллект, самоуважение. То, что нужно, — просиял Алексей.

— Кто она? — меня начало раздражать то, что мужчина на заданные вопросы не отвечал, а новые порождая с удивительной скоростью.

— Вы же были бухгалтером? — снова ответил вопросом на вопрос этот странный тип.

— Была.

— Вот и тут будьте. Больше от вас ничего не требуется. Окончите гимназию, устройтесь на работу и живите себе припеваючи.

— Погодите, а завещание? Ольга сказала, что после выпуска я окажусь на улице, если не успею к тому времени найти жениха, — вспомнила я слова подруги.

— Да? Надо же какая досада. — театрально удивился Алексей. — Хорошо, что вы не Катенька. Если раньше я сомневался, то теперь уверен, что с этой небольшой трудностью справитесь играючи. Знаете, мне пора, — заторопился мужчина. — Дела не ждут. А это вам.

Алексей протянул мне конверт, на котором неаккуратным почерком, явно дрожащей рукой было выведено моё имя.

— Да вы же путём ничего мне не рассказали. Это-то что такое? — нервы сдали, и я выкрикнула это чуть громче чем следовало.

— Тш-ш-ш. Ну нехорошо шуметь, Катенька. — загадочный человек с серыми как сталь глазами навис надо мной огромной скалой. — Есть в этом мире люди, которым вы дороги, сестрица. Мой отец - один из них. И он настолько за вас радуется, что решил помочь в том вопросе, в котором я посодействовать не способен. — Алексей скривился, будто последние слова дались ему не так просто. Неприятно было осознавать, что он чего-то не может?

Либо нарцисс, либо возомнил себя всесильным, хотя таковым не является.

Алексей резко развернулся и направился к двери.

— Счастливо оставаться, сестрица. Не скучай и будь прилежной ученицей, — нарочито громко сказал он. Настолько, что даже в коридоре было слышно. — Папеньке передам, что с тобой всё хорошо, чтобы не переживал.

Дверь закрылась, я осталась одна.

— Вот и поговорили. — подытожила, пребывая в полнейшей растерянности. — Значит, назад мне не вернуться? — прошептала, и поняла, что не уверена радуется ли меня этот факт или печалит.

Вскрыла конверт и ахнула, когда прочла то, что написал отправитель вложенного в него послания.

Глава 6 Обходной путь

“Дорогая моя племянница,
ты даже не представляешь как нас всех перепугала. Врач сообщил, что твоему здоровью ничто не угрожает. Очень этому рад. Но сам факт случившегося наводит меня на тревожные мысли.

Я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело, ведь день окончания гимназии всё ближе, а с выбором будущего супруга ты так и не определилась. Немудрено, что такое эмоциональное давление толкнуло тебя на необдуманный поступок... ”

Почерк был разборчивым, но неуверенным. Словно писал человек в возрасте. Обращение в самом начале сразу дало понять, что автор этого послания - Катин дядя. Из всего, что я о нём услышала, у меня сложилось впечатление, что мужчина любит племянницу и заботится о ней. Но его явный намёк на то, что девушка бросилась в реку сама, чтобы свести счёты с жизнью, заставил меня призадуматься.

“Поверь, это не лучший выход из сложившегося положения. Не так всё плохо как кажется, дитя.

Завещание твоего отца связало меня по рукам и ногам, но я всё же могу кое-что для тебя сделать.

Коль уж выбор даётся тебе непросто, и никто из молодых господ-купцов нашего города не приглянулся, осмелюсь предложить тебе “обходной путь” решения вопроса с довольствием. Есть у меня один знакомый, молодой обеспеченный господин, желающий поправить своё положение в обществе, так как родом он сам из крестьян. На брак в прямом смысле слова не претендует, ровно как и на завещанные тебе капиталы, но породниться с нами не прочь, ибо добавит это ему весу в определённых кругах, а нам обеспечит неплохое подспорье в плане транспортировки товаров. Твоё обеспечение обязуется взять на себя, а средства моего почившего брата перевести на твой личный счёт для личного распоряжения. Нужды ты знать не будешь, живи да радуйся. Подумай об этом, Катюша.

Я не тороплю и не даю указаний. Просто предлагаю ещё один вариант, а уж решать тебе. Завтра утром за тобой приедет бричка, чтобы доставить в дом моего друга. Я осмелился попросить одну из педагогов гимназии составить тебе компанию, чтобы ты могла с ним побеседовать при ней. Ничего непристойного, только деловой разговор, который ни к чему не обязывает. Если не захочешь ехать, я пойму.

Поправляйся, береги себя и не принимай всё так близко к сердцу, дитя. Жизнь прекрасна, но, к сожалению, прожить её мы можем лишь единожды. Очень надеюсь, что ты сделаешь правильный выбор, и всё для тебя сложится удачно.

Напомню также, что ты всегда можешь прийти ко мне за советом и поддержкой. Хорошо, что хоть этого мой брат не запретил.

С наилучшими пожеланиями,
твой любящий дядя
Я.Прозоров.”

Вот и приехали. Дядя этот туда же. Не удивлюсь, если директриса гимназии тоже предложит мне кандидатуру в женихи. Хотя...Катенькин родственник пишет, что его знакомому нужен брак по расчёту. Что уже неплохо. За спрос денег не берут, можно и съездить посмотреть на этого...богатого годподина из крестьян.

Пообещав себе подумать об этом на досуге, я вернулась в “свою” комнату. Голова пухла от свалившейся на меня информации. Назад дороги не было. Я точно не спала и не лежала в бреду или коме. Слишком всё вокруг реально, чтобы быть плодом моего воображения. Тонула я просто гипернатурально. Никаких сомнений в том, что я жива у меня не было, потому что боль, холод и голод ощущались точно так же как когда была Кариной.

Ольга встретила меня скромным молчанием, что несказанно обрадовало. После того, что мне поведал Алексей хотелось тишины и покоя, а не жужжания над ухом о всяком разном.

Я попросила её рассказать мне о расписании занятий и экзаменов и с облегчением узнала, что от большинства из предметов Катюша освобождена.

Студенткой, а тем более ученицей я была уже очень давно. Раз выбора мне не дало, следовало ассимилироваться. Хотя я слабо представляла себе как смогу сдать экзамен в гимназии какого-то там века (явно не двадцатого). Судя по надписям на кабинетах в этом мире в ходу были “Ъ”, твёрдые знаки на концах слов и прочая атрибутика дореволюционной письменности, к которым я не то что не привыкла, мне всё это казалось инопланетной грамотой.

— Тебе не нужно ничего сдавать, Катюш, — сообщила подруга. — Мы с тобой из тех, кто ученицами только на бумаге числятся. Думаешь чего нас родители в гимназию в двенадцать лет отдали, когда остальных с семи берут? Чтоб по балам да приёмам раньше времени не катались да замуж не выскочили. Тут же мы под присмотром и за закрытыми дверьми семь годов прокуковали, юность свою нежную на лавках с книжками просидели. — Ольга обречённо вздохнула. — Коптим небо как каторжники взаперти в то время как прочие девицы самых завидных женихов себе отхватывают.

— Да ладно тебе. Не так всё плохо. Скоро выпускной. Сможешь и на приёмы ездить и жениха себе найдёшь хорошего, — попыталась приободрить её я и поняла, что не следовало, потому для подруги эта фраза сработала как красная тряпка для быка.

Девушка не прекращала трещать ни во время обеда, ни когда мы вернулись обратно, ни даже когда меня сморил сон. Кажется, она даже не заметила, что я прикорнула, сидя на стуле пока она изливала мне душу.

В какой-то момент к нам заглянула уже знакомая Ирина Викторовна (которая, как я узнала во время обеда, являлась правой рукой директора гимназии) и поблагодарила меня за тёплые слова о нашем славном учебном заведении. Сообщила, что завтра лично составит мне компанию и проследит, чтобы визит к прошёл без сучка без задоринки.

— Куда это ты собралась? — тут же оживилась Ольга, когда зам.директора ушла.

— Дядя решил помочь мне решить вопрос с замужеством, — брякнула я и уже ждала дополнительных вопросов, но их не последовало.

Даже у самая лучшая батарейка рано или поздно садится. Вот и Олюшкина, видимо, разрядилась от многочасового сетования на скучную учебную программу, отсутствие развлечений и скудный рацион местной трапезной. Она пообещала непременно расспросить меня об этом завтра, зевнула, да так и завалилась на подушку прямо в дневном платье, а я, не будь врагом сама себе, будить её не стала.

Умылась, нашла в шкафу на стороне, где значилась буква К, ночное платье, переделалась и приготовилась к долгой бессонной ночи. Но, видимо, не одну Ольгу утомили сегодняшние события. Стоило моей голове коснуться мягкой пуховой подушки, как я тут же отправилась в царство Морфея.

Глаза разлепила только под утро, когда в нашу дверь постучали и попросили собираться да поскорее, что я и сделала. Ольга, к слову, не спешила просыпаться, а я решила, что лучше (от греха) её не будить.

Платье выбрала самое простое в пол, чтобы не возиться с завязками и рюшами. Чулки решила и вовсе не надевать, так как не разобралась как их крепить. Благо с бельём всё было

ясно. Кожанные сапожки, элегантная накидка из плотной ткани, и вот я уже была не малышка-гимназистка, а очень даже симпатичная девушка на выданье.

Когда же бричка остановилась у новёхонького, кирпичного, двухэтажного купеческого дома, дверь нам открыла девушка-служанка одетая в наряд презентабельнее моего, да ещё и в идеально выглаженном переднике. Тогда то я и поняла - господин действительно богатый. Стало одновременно немного страшно и в то же время очень любопытно посмотреть, что именно он из себя представляет.

Глава 7 Яков Тырышкин

Нам предложили подождать в большой светлой приёмной на первом этаже. Узорные обои на стенах, ковры на полу и дорогая обитая шелком мебель делали жилище знакомого Катиного дяди больше похожим на музей. Вот только всё это было не выцветшим и потёртым от времени, а совершенно новым. А ещё тут имелись картины. Много. И чтобы скрасить время в ожидании я принялась их рассматривать.

— Екатерина Александровна, добро пожаловать в мою скромную обитель, — раздалось у меня за спиной, и я резко обернулась.

Не смотря на то, что перед поездкой я удосужилась ещё раз прочесть имя господина, к которому приехала на “деловую беседу”, оно мгновенно испарилось из моей памяти.

Передо мной стоял... эталон мужской красоты в моём понимании: высокий, темноволосый, широкоплечий и очень соблазнительный молодой человек с синими как незабудки глазами и очаровательнейшей улыбкой.

Чёрный пиджак, расшитый по лацканам крупными алыми узорами, антрацитовый шелковый жилет, белая рубашка с накрахмаленным воротом смотрелись на крепком теле просто идеально. А платок, обвивавший крупную шею казался изюминкой на торте. Всегда любила именно эту деталь гардероба мужчин из дамских романов эпохи регентства.

“Кларррра, ты сейчас откроешь клюв от удивления!”* : пронеслась в моём сознании фраза из детского фильма, когда я поняла, что свой закрытым удержать не смогла.

— Яков Фомич Тырышкин. Купец второй гильдии и хороший друг вашего дяди. Очень рад знакомству, — живое воплощение Генри Кавила протянуло мне руку в знак приветствия.

Только тогда я опомнилась и приосанилась. В конце концов, нужно было держать марку. Я же завидная невеста как-никак. Наверное.

— Взаимно, — вложила свою подрагивающую от волнения пятерню в крепкую мужскую, но рукопожатия не последовало.

Вместо этого синеглазый красавец аккуратно поднял мою руку, наклонился и оставил на тыльной стороне ладони невесомый поцелуй.

— Кха, кха! — недовольно крикнула Ирина Викторовна, которая устроилась на диванчике и наблюдала за каждым моим движением.

— Доброго дня, — учтиво склонил голову Яков Фомич, приветствуя толстушку зам.директора.

— Доброго, — ответила она, недовольно нахмурив брови. — Должна предупредить, что любое более тесное взаимодействие запрещено правилами приличия. Имейте это в виду, господин Тырышкин.

Сказано было это так, будто принимающий нас в гостях господин не хозяин этого дома, а обычный ученик гимназии, которого она имела полное право отчитывать.

— Благодарю за напоминание, — выпуская мою тонкую ручку из своей крупной ладони, вежливо ответил ей мужчина. — Но раз уж на то пошло, то позвольте напомнить, что вы у меня в гостях. И всё, что происходит в стенах этого дома - подчиняется моим правилам. В том числе вы, сударыня.

Синеглазый зыркнул на помпушку так, что у меня аж сердце ёкнуло в предвкушении скандала, но та внезапно расплылась в улыбке, зарделась и отвела взгляд.

— Конечно конечно, Яков Фомич, как скажете.

— Не желаете ли угоститься чаем с печеньем в соседней комнате? — прозвучало скорее как приказ.

На что моя надсмотрщица согласно закивала, поднялась с диванчика и спешно покинула помещение. Признаюсь честно, мне даже дышать стало легче.

— Вот это да! Вы, часом, не волшебник? — не сдержав удивления, спросила я, когда за Ириной Викторовной закрылась дверь.

— Отчасти, — ответил мужчина, улыбаясь во все тридцать сколько там у него их было... белых зуба так, что у меня дыхание перехватило.

Что там писал мне Катин дядя? Из крестьян? Да ни в жизни не поверю. Да, руки у него шершавые, значит работы не боится и лично занимается делами, но чтобы сохранить такую улыбку в девятнадцатом веке нужно было очень постараться. А ещё у кандидата в мои женихи был шикарный парфюм. Что-то пряное и мускусное. Разве выходцы из простого народа пользовались такими благами цивилизации?

— Присаживайтесь, Екатерина Александровна. — синеглазый указал мне на кресло, хотя сам остался стоять. — Обсудим то, что вас сегодня ко мне привело.

Тут-то я и вспомнила, что приехала поговорить о фиктивной помолвке, а не рассматривать живое воплощение своих девичьих грёз.

Стало даже немного стыдно. Никогда бы не подумала, что дожив до тридцати стану так откровенно пялиться на мужчину, которого вижу впервые в жизни. Да, невероятно привлекательного, одетого с иголочки, манерного и, что уж греха таить, богатого, но, тем не менее крестьянского сына, а не какого-нибудь там принца заморского. И то, что я временно (а может и нет) нахожусь в теле Катеньки Прозоровой - далеко не оправдание.

— Мне известно о вашем положении, — выдавая деловой настрой, начал Тырышкин. — Вам, насколько я знаю, сообщили что именно требуется мне. Никаких романтических привязанностей, супружеского долга и прочей ерунды, — сказал как отрезал. — Заключим фиктивную помолвку, получите свои капиталы и станете жить под моей крышей на правах невесты, а затем и жены. Я обеспечу вас всем необходимым, дам полную свободу действий. Вы же будете играть роль прилежной супруги, до тех пор пока я не добьюсь определённого положения в обществе. Как только это произойдёт, оформим развод по обоюдному согласию.

Вот вроде и сказал, что никакой романтики, а у меня бабочки в животе запорхали. Я слушала синеглазого развесив уши и, кажется, бессовестно уставившись на его.

— Вы согласны? — спросил местный, имея в виду сказанное выше, в то время как мне представилось, будто от меня требуют подтвердить, готова ли провести с этим мужчиной всю свою жизнь.

— Да, — выпалила я, даже не думая.

И самое страшное заключалось в том, что я действительно готова была сделать всё, что он ни попросит. Не иначе как его слова о том, что он владеет какой-то магией были сущей правдой. Никогда я так себя не вела и теперь пребывала в замешательстве от собственных действий.

— Вот и славно. Значит договорились. Я уведомлю Якова Алексеевича о том, что мы пришли к соглашению.

— Ага, замечательно, — продираясь сквозь странный ступор, который на меня напал, сказала я. — Я и в делах смогу помочь.

— В делах? Екатерина Александровна, боюсь, выпускница гимназии не обладает должными знаниями. Да и...

— Ещё как обладаю. Образование должное имеется. — Как-то не вовремя вспомнила о словах двоюродного брата о том, что мне следует жить своей жизнью, работать бухгалтером и тогда всё будет хорошо.

— Семь лет в женской гимназии?

— Эм, да. Знаете какая там арифметика? Ого-ого!

Генри, то есть Яков только ухмыльнулся и тут же посерьёзnel, а я поняла, что совершенно не знаю чем именно занимается мой без пяти минут жених. Хотя купцом второй гильдии за красивые (я бы сказала не в меру) глаза не назовут.

— Думаю, что с делами справлюсь и сам. Вам же надлежит проводить время за рукоделием, чтением, музицированием и... чем там ещё занимаются девицы вашего круга? Остальное вас беспокоить не должно.

— Сидеть дома?

— Да. Разве же это плохо?

— Нет, наверное, хотя... — пытаюсь понять чем именно меня не устраивает этот факт, ответила я.

Мне нужно было возразить, сказать, что такое расклад меня не устраивает и я хотела бы обдумать его предложение, но сделать этого я попросту не могла. Перед глазами всё плыло, дышать стало трудно, а мысли превратились в разваренную кашу.

— Что же, к обручению я всё подготовлю. Ко дню вашего выпуска из гимназии вы станете моей невестой и сможете переехать в гостевой дом при моём имении...

Тырышкин говорил что-то ещё, но я будто провалилась в розовое ванильное облако и перекатывалась в нём с наиглупейшей улыбкой на лице, соглашаясь на всё, что он ни предлагал. Хорошо, что ничего непристойного купец не попросил.

Как вернулась в гимназию, что делала весь последующий день - не помню. Словно затмение какое-то нашло. Ночь пролетела будто и не было, а на утро, когда способность здраво мыслить вернулась, я пожалела о том, что натворила.

Фраза из фильма «Снежная королева»

Глава 8 Мне нужна работа

— Катюша! Кааатя! Да что ты всё в облаках витаешь? Катерина! — меня активно пыталась растолкать Ольга. — Так и думала, что ты неспроста вчера ездила в город с мымрой. Неужто трудно было рассказать?

— А? Что? — оглядываясь, чтобы понять где вообще нахожусь, не поняла я.

Мы сидели в общей трапезной за завтраком. Через огромные окна зала в помещение лился яркий солнечный свет. Вокруг стоял гомон учениц, дежурные сновали туда-сюда, разнося подносы с чашками и наливая из пузатых чайников горячий отвар своим соученицам.

— Как это что? Утренние известия вышли. Там в разделе свадьбы и помолвки дано объявление о твоём обручении с Тырышкиным. То-то я смотрю ты сама не своя. Прежняя Катя на такое в здравом уме бы не пошла. — блондинка глядела с укоризной.

А что я могла ей сказать? Что не помню ничего из того, что случилось со мной вчера? Я даже не была уверена в том, что между мной и дядиным другом ничего не было. Он, конечно, сказал, что его не интересуют романтические проявления чувств, но мало ли...

— Забыла уже что из всех кандидатов в женихи именно он был тем, кого ты вообще не рассматривала?

— З-забыла, видимо, — выдавила из себя я, залпом выпив взвар, который мне налили в пустую чашку. — А что с ним не так? Богат, хорош собой, обходителен.

— Да всё не так. Он же как-то заявил, что жена для него не значительнее лягушки, которой стоит сидеть дома как в болоте и не квакать, пока он занимается делом и приумножает свои капиталы. Оттого и бобылём ходил. Что должно было случиться, чтобы вы оба так кардинально поменяли своё мнение?

Вот это новости! Стало даже интересно, знал ли Катин дядя о таких высказываниях своего друга.

— Если честно, то в данный момент меня больше пугает перспектива остаться без крыши над головой нежели всё остальное. И да, моя помолвка - моё дело. Ты сама говорила, что мне нужно определиться. Я свой выбор сделала. А что будет дальше - время покажет, — сказала как можно увереннее, хотя саму меня перспектива сидеть в болоте и не квакать совершенно не прельщала.

Подруга уставилась на меня так, будто внезапно целиковый грецкий орех проглотила.

— Я тебя совершенно не узнаю, Катюш. Такое чувство, что тихую и кроткую девушку просто взяли и подменили кем-то другим, — тихонько шепнула мне она, даже не понимая, что попала в точку.

Я только отмахнулась, но про себя подумала, что нужно быть осторожнее в высказывании собственного мнения. Потому как обратно в свой мир (скорее всего в гроб) мне не хотелось. Я решила, что раз уж мне дали второй шанс, то нужно использовать его по-полной.

После пары занятий, на которых мои соученицы безропотно вышивали павлина, а я только и делала, что искалывала иглой руки, меня пригласила к себе директор гимназии: Виктория Павловна. Пренеприятнейшей наружности дама. Госпожа Мамаева больше походила на ведьму из детских страшилок нежели на главу учебного заведения. Жуткий пучок на голове, постоянно введённые вместе брови, длинный крючковатый нос и отвратительная бородавка на щеке из которой росло три жестких волоска делали из стопроцентную неё бабу-Ягу. Георгий Милляр* бы обзавидовался.

— Очень рада, Катюша, что ты взялась за ум и решила-таки уважить волю своего батюшки. Можешь быть спокойна, в день выпуска из гимназии тебя отвезут прямо под венец. — заверила меня Виктория Павловна. — До тех пор, уж будь добра, посещай занятия по Закону

Божьему и рукоделию. От остальных дисциплин можешь быть освобождена. Ровно как и от сдачи экзамена. Аттестат твой уже мною подписан, вручить тебе его - сущая формальность.

После этих её слов у меня будто гора с плеч упала. Никаких экзаменов, просто получить расписку об окончании гимназии и свободна. Ну, или почти. На деле я из одних кандалов тут же попаду в другие.

— Скажите пожалуйста, — мне в голову вдруг пришла, как мне тогда показалось, прекрасная идея. — имею ли я право устроиться на работу после окончания гимназии?

Баба-Яга непонимающе посмотрела на меня, склонила голову и часто-часто заморгала.

— Для чего, деточка? Тебя берёт замуж один из самых богатых господ нашего города. Для чего тебе какая-то там работа?

Будущий супруг упомянул, что после свадьбы я получу деньги Катинного отца и смогу заниматься тем, чего моя душа пожелает. Помощь в делах отверг, но запрета на то, чтобы я работала не высказывал.

— Просто интересуюсь, — я нервно мяла подол своей формы-платья, сидя перед директрисой в её приёмной.

— Можешь. Да только кто тебя возьмёт? Семь лет гимназии за плечами - не такой уж и великий багаж знаний. Из наших выпускниц получают отличные супруги обеспеченных господ. Не припомню, чтобы хоть одна из девушек рвалась торговать в какую-нибудь лавку или мыть полы в домах богатых купцов, — Виктория Павловна скривилась, упоминая то, кем можно было бы устроиться работать в городе.

— А могу я попробовать?

Брови директрисы взлетели вверх от удивления.

— Деточка, оставь эту затею. Окончишь гимназию, выйдешь замуж за господина Тырышкина и живи себе припеваючи. Не многим так повезло в этой жизни. Такой мужчина за тебя сватался! — принялась она читать мне нотации.

— Скажите просто, могу ли я в свободное время выходить из гимназии, гулять по городу и заниматься поиском работы? — не сдавалась я.

— Можешь, конечно. Только не одна, а в сопровождении одной из подруг...

— С Ольгой?

— Если тебе так хочется, — как-то заторможено ответила женщина.

— Пожалуйста, не сообщайте об этом моему жениху и дяде, — попросила я. — Очень прошу. Если не справлюсь, так и быть, через пару дней можете им рассказать.

— М-м-м. Ну, что ж, раз так, то хорошо. Я более чем уверена, что ничего у тебя не выйдет, дорогая. Да только расстраивать раньше времени не хочу. Попытайся. Палки в колёса мы тебе вставлять не станем, шестнадцать** тебе минуло не вчера, но и помогать не проси.

— Вот и славно! Завтра же этим займусь. Если на этом всё, то мне пора, — обрадовалась я, вскочила с места и, не дожидаясь дальнейших нравоучений от бабы-Яги отправилась в свою комнату.

Подруге я рассказала о своей задумке сразу же. Энтузиазма у неё это не вызвало, но освобождению от домашнего ареста красавица блондинка была очень рада.

— И как ты себе это представляешь? Станем заходить в каждую лавку и интересоваться не нужна ли им без пяти минут замужняя гимназистка в работницы? — съязвила-таки Ольга, когда мы уже готовились ко сну.

— Нет, конечно. Купим газету. Найдём подходящие объявления и пойдём по указанному адресу, — мечтательно сказала я, уже предвкушая, что завтра смогу хорошенько рассмотреть город, в котором очутилась (так как когда едила к Тырышкину сделать этого не смогла от чрезмерного нервного напряжения).

— Порой мне кажется, что ты смотришь на мир сквозь призму собственной наивности, — недовольно бросила подруга. — Хочешь гулять, идём гулять. В это время года в Александровском саду чудо как красиво. Зайдём туда?

— Конечно, — сказала я, даже не представляя где это находится.

— Ладно. Лишь бы взаперти не сидеть. Надену завтра самый красивый прогулочный наряд. И шляпку. С лентами...

Под мерный щебет кокетки-подруги я быстро уснула. А на следующий день, честно отсидев два часа Закона Божьего, мы действительно отправились в город, который меня приятно удивил и несказанно расстроил, но обо всё по-порядку.

* советский актёр театра и кино, сыгравший Бабу-Ягу в детских фильмах.

** возраст с которого девушка могла вступать в брак в Российской империи по закону от 1830 года.

Глава 9 Город Вятка

Выйдя из гимназии мы немного постояли у крыльца. Я любовалась каменным двухэтажным зданием с ровными прямоугольными окнами, в которых то и дело мелькали макушки учениц. Погода уже который день радовала и учебное заведение купалось в лучах тёплого весеннего солнышка.

— Пр-р-р-р! — прямо перед крыльцом остановилась бричка, которой правил здоровенный детина-возница. — Куда изволите, девицы-красавицы?

— Нам бы по городу проехаться, объявления по столбам почитать, а следом в Александровский, милейший, — без тени стеснения сообщила ему Ольга, стреляя глазками.

Вот это уверенность в себе! Я бы так не смогла даже будучи Кариной. Быть может, не просто так я заняла место именно рыженькой подружки, а не её боевой соученицы?

— Полезайте, прокачу с ветерком, девчата, — улыбнулся ей мужик, кивнув на сидение своего транспортного средства.

Я смотрела на всё это с осторожностью. Мало ли куда мог завезти нас незнакомый возница. Но он не подвёл. Действительно прокатил, да с ветерком. Я только успевала рассматривать достопримечательности.

Вятка оказалась очень симпатичным уездным городом с множеством каменных и кирпичных строений. Имелись здесь и красивущий Александро-Невский собор и Царёво-Константиновская церковь и лавки и торговые ряды. Царёвская и Вознесенская улицы больше напоминали проспекты, только немощённые. Весенняя грязь уже засохла, и бричка ехала по ним почти не подпрыгивая на ухабах. Справа и слева имелись пешеходные тротуары, защищённые со стороны дороги деревянными столбиками.

Город создавал впечатление скорее небольшого села, утопающего в зелени, а снующие туда-сюда жители, одетые под стать исторической театральной постановке, и то и дело встречающиеся деревянные дома только усиливали создавшееся у меня впечатление.

— Вот, погляди-ка, — Ольга поудобнее устроилась на сиденье после небольшой остановки и ткнула указательным пальцем в только что купленную ею у мальчишки-торговца газету. — Требуется женщина в трактир для мытья посуды. Или вот, нянька для дитяти малого полу мужского.

— Оль, ты смеёшься? Дай-ка сюда, — забрала у блондинки печатное издание и принялась читать.

Вот только ничего путного я в нём не нашла. Объявлений о продаже товаров было куда больше чем о найме на работу. Имелась здесь и та самая рубрика о предстоящих свадьбах и состоявшихся помолвках, где я и вычитала своё (Катеньки Порозоровой) имя.

— Что ты там говорила про столбы? — понимая, что директриса гимназии оказалась права, я обречённо вздохнула.

По всему выходило, что выйдя замуж за Тырышкина я хоть и получала крыши над головой вкупе с финансами отца Кати, но в то же время добровольно садилась под домашний арест. В болото. Вести жабыю жизнь, не раздражать кваканьем драгоценного супруга, гонять чай, вышивать и беседовать о последних новостях в мире моды с богатенькими матронами.

— Бывает, что на них что-то дельное расклеивают. Но это к реке нужно ехать. Насмотрелась на город? Можно уже в сад?

— Сад, огород. Мне всё равно. Поехали, хоть прогуляться. Может, что-то путное в голову придёт, — сдалась я, и бричка свернула налево к берегу реки Вятки.

Увидев водную гладь я подобралась. Воспоминания о том как я тонула, дважды, тут же ожили, сковывая тело и рассудок. Но стоило мне заметить плывущий по реки пароход, я тут же

отвлеклась от негативных мыслей, потому что перед глазами словно наяву возникли красивые голубые глаза моего спасителя, о котором я до сих пор толком ничего не знала.

Не скрою, в глубине души мне хотелось, чтобы тем самым знакомым, которого рекомендовал Кате в женихи дядя оказался именно он. Ведь Ольга сказала, что рубашка на мне была дорогая. Стало быть, блондин, который рискнул ради меня жизнью не из бедной семьи. Но увы и ах! Не срослось.

Бричка остановилась у красивого архитектурного сооружения - портика Александровского сада. Возница пожелал нам приятной прогулки, денег за услугу не взял, только игриво подмигнул Ольге на прощание и уехал.

Мы же попали на территорию через кованые ворота. Прогулка вышла скорее приятной чем будничной. Плодовые деревья стояли в цвету, щебетали птицы, заливались соловьи. Народа в это время дня по тропинкам ходило немного, поэтому мы с Ольгой неспешно обошли весь сад, полюбовались ротондами и направились параллельно набережной и Пятницкой слободе.

Я то и дело вздыхала, понимая, что лучше было не лезть в чужой монастырь со своим уставом, а Ольга сетовала на то, что нам не встретилось ни единого военного или хотя бы известного богатея города. Уж она бы взяла бедолагу, вздумавшего подышать свежим воздухом в Александровском саду, в оборот, не смотря на то, что на улице был день денёской, а она - всего навсего гимназистка.

К моему великому удивлению недалеко той самой улицы, идущей возле набережной, называемой Пятницкая слобода на глаза нам попала колонна с объявлениями. И одно из них настолько заинтересовало, что я просто не смогла пройти мимо.

“В контору по продаже пароходных билетов требуется счетовод. Без опыта. Всему обучим сами. Знание арифметики отличное. Полу мужского. Спросить по адресу... в доме купца Ф.Булычёва. Спросить Тихона Филипповича.”

Стоит ли говорить, что через каких-то полчаса мы уже стояли у порога купеческого дома, переминаясь с ноги на ногу, а я пыталась придумать, что сказать, если спросят почему художочная девчонка в форме гимназистки пришла проситься на мужскую должность.

— Доброго дня, сударыни, — дверь нам открыл высокий уса́тый господин в летах. — Чем могу помочь? — упрямо не замечая меня, спросил он у Ольги.

— Мы по объявлению Нам бы Тихона Филипповича. — скорее пропищала, нежели сказала я, обращая на себя внимание мужчины.

— Вы? — незнакомый господин уставился на меня так, будто привидение увидел. — Проходите.

Мы с Ольгой переглянулись, но в дом всё-таки вошли.

— Мария, организуй нашим гостям чай с угощениями. Я сейчас приду, — мужчина оставил нас на попечение старушке-прислуге, которая тут же пригласила нас в приёмную и накрыла на стол.

— Простите, а это кто сейчас был? — поинтересовалась у женщины Ольга.

— Как это кто? — удивлённо округлила глаза старушка. — Филипп Тихоныч Булычёв собственной персоной. Первой гильдии купец, потомственный почётный гражданин Орлова. Наш благодетель и господин.

Вот те на! Где это видано, чтобы хозяин дома сам двери открывал?

— А в объявлении наоборот написано было, — сказала я подруге, когда сердобольная прислуга принялась наливать нам чай. — Тихон Филиппович. Перепутали, видимо.

— Верно всё. Вы не местные что ли? — вздохнула старушка. — Тихон Филиппыч - это молодой наш господин. Только болеет он сейчас. Ежли вам к нему надобно было, то не вовремя вы.

— А что с ним? — тут же полюбопытствовала Ольга.

— Ничего серьёзного, — раздался голос хозяина дома, который не обманул и действительно не задержался. — Спасибо за чай, Мария. Ступай. Коли нужно что будет, позову.

Старушка откланялась, а мы остались в обществе Филиппа Тихоновича.

Мужчина, в отличие от нас, не присел на диван, не взял в руки чашку чая, которую для него, кстати, тоже наполнила Мария. Он стоял напротив, скрестив руки на груди и будто думал о чём-то своём, бросая на нас странные взгляды.

— Чем могу быть полезен, Катерина Александровна? Только говорите прямо и по делу. Я не привык ходить вокруг да около. Времени в моём распоряжении не так много.

Тон усача мне совершенно не понравился, но выбора не было. Мне нужна была работа, чтобы не попасть в вечное кисейное рабство. А когда хозяин дома нахмурил брови, недовольный моим молчанием, я вдруг отметила его сходство... со своим спасителем, и в голове сложились кусочки мозаики.

Глава 10 Спасибо за сына

— Я ищу работу, — выпалила как на духу. — Увидела ваше объявление и решила на свой страх и риск прийти по указанному адресу.

Брови усача взлетели вверх.

— Вы? Ученица гимназии? — господин Булычёв сделал пару шагов по направлению ко мне. — Если я верно помню, то у вас даже справки об окончании учебного заведения на руках нет. О какой работе может идти речь?

— Я бы хотела устроиться на должность счетовода. Если у вас есть какое-то задание, которое нужно выполнить, чтобы проверить мою пригодность, я готова продемонстрировать свои знания, — мне нельзя было отступать.

Скорее всего это была не единственная подходящая мне вакансия, но отчего-то я так загорелась именно ею, что у меня аж руки подрагивали от волнения.

— Екатерина Александровна, вы же знаете чем именно мы занимаемся. Наша фамилия прежде всего связана с транспортными перевозками грузов и пассажиров по реке. Лучшие пароходы на Вятке принадлежат мне и моему сыну. Мы не можем позволить себе нанимать кого попало на ответственные должности, — хозяин дома явно был настроен негативно и не собирался идти мне на уступки. — К тому же, в объявлении явно сказано, что работник нужен полу мужского, а не девица.

— Тоже мне ответственность, в кассе билеты продавать, — совершенно некстати фыркнула Ольга.

Вот уж кому было совершенно плевать, получу я возможность самореализоваться в этом месте или нет. Блондинка сложила руки на своей...внушительного размера груди и демонстративно вздёрнула носик.

— А вы, простите, кто будете? — поинтересовался у неё Филипп Тихонович.

— Подруга этой умалишённой. Ольгой меня звать.

— Какое верное замечание, — сказал Булычёв. — Зрите в корень. Если хотите, можем нанять вас в кассу после окончания гимназии. Миловидным барышням у нас всегда рады. Глядишь, народу станет больше по реке переправляться благодаря вашим...талантам.

Купец явно говорил несерьёзно, но Ольга призадумалась. Не успела я её вразумить, как на втором этаже дома что-то загрохотало. Вернее, сложилось впечатление, что кто-то что-то уронил. Тяжёлое и большое.

— Вот же непоседа! — недовольно бросил Булычёв. — Мария! А ну, поднимись к Тихону. Ему лежать велено. Подсоби, если что-то нужно.

Пожилая женщина тут же показалась из-за двери, прошуршала юбками своего пышного платья к лестнице и поднялась по ступеням наверх.

— Простите, пожалуйста, если это не моё дело...— любопытство пожирало меня настолько, что я даже забыла о неприветливом тоне хозяина дома, а зря.

— Не ваше! — рявкнул мужчина. — На работу счетоводом девчонку без опыта я не возьму. Хватит и того, что вы меня чуть без наследника не оставили. Если на этом всё, то прошу меня простить. Дела не ждут. А из-за вашей Екатерина Александровна, неосторожности, я вынужден теперь вести их один и переживать за здоровье сына вдвоём. Думается мне, что я уделил вам достаточно внимания, приняв у себя дома и выслушав. Но на этом, уж простите, моё терпение исчерпано. Будьте так добры, ступайте куда направлялись и всего вам хорошего.

Ольга вскочила с места, чтобы возмутиться, но я дала ей знак помалкивать. Так и думала, что Филипп Тихонович как-то связан с моим спасителем. Очень уж он на него был похож. Вернее, наоборот.

— Спасибо за гостеприимство и за угощение, — я тоже поднялась с места, собираясь уходить.

Зря я затеяла эту авантюру с поисками работы. Не учла, что время тут другое, общество архаичное и патриархальное. Мало того, что у женщин нет почти никаких прав, так ещё и вакансий достойных почти нет. Решила, что продемонстрировав свои знания смогу получить хорошее место, но того, что возможности это сделать мне никто не даст во внимание не приняла. Поделом!

— Если я верно поняла, то это вашему сыну я обязана за спасение моей жизни, — подошла к Булычёву, собирая всю смелость в кулак.

Мужчина только хмыкнул, окинув меня презрительным взглядом. Дал понять, что не особенно-то и рад, что его наследник едва не утонул из-за той, что стояла сейчас перед ним.

— Мне очень жаль, что так вышло. Я, если честно, вообще не планировала того, что произошло. Это вышло случайно. Надеюсь, что Тихон Филиппович скоро поправится. Если возможно, я бы хотела... — у меня ком встал в горле.

С того самого момента как пришла в себя в гимназии и поняла, что мне теперь суждено быть Катенькой Прозоровой, хотела найти того, кто её (у меня, конечно же) спас и извиниться за неподобающее поведение. И вот, сама судьба привела меня в его дом. Я просто не могла упустить этот шанс.

Наверху снова что-то грохнуло, заставив Булычёва заметно переживать. Он нахмурил брови и занервничал.

— Говорите, барышня. Да поскорее.

— Катюш, идём. Не распинайся. Потом как-нибудь заглянем, — Ольга принялась активно подталкивать меня к выходу.

— Но я ещё не закончила, — попыталась возмутиться я, но подруга напирала как танк на амбразуру.

Пришлось всё-таки доковылять на непослушных ногах до двери.

Филипп Тихонович проявил галантность и отворил её перед нами, предлагая убраться восвояси.

— Нет! Я всё-таки скажу, — резко останавливаясь прямо перед выходом, я решила выговориться. — Спасибо вам огромное.

— Вы уже отблагодарили меня за угощение. Не стоит повторяться, — мужчине не терпелось нас спровадить.

— За сына спасибо. Никто из тех, кто плыл на том судне не оказался достаточно храбр, чтобы прыгнуть в реку во время дождя. А он прыгнул. И, не побоюсь этих слов, спас мне жизнь. Хотела бы лично сказать ему спасибо, но раз уж господин Булычёв нездоров, передам через вас. Пожалуйста, скажите ему, что мне совестно, — у меня задрожал голос. Никогда бы не подумала, что мне будет так сложно попросить прощения. Ещё и заочно.

— За то, что отправились в поездку на пароходе не умея плавать? Или за то, что за поручни держаться не научились? — купец злился.

Но мне было всё равно. Я просто обязана была сказать то, что не давало мне покоя уже который день.

— За то, что испугалась тогда. Скажите ему, пожалуйста, что ничего страшного в его травме я не вижу. — меня понесло. И даже то, что Ольга принялась активно дёргать меня за юбку, пытаясь привлечь внимание, не имело никакого значения. — Мне стоило вести себя сдержаннее, но я плохо соображала. Ваш сын храбрый, самоотверженный и, насколько я успела понять, один на миллион. Поэтому я от всей души хочу поблагодарить вас за то, что вы воспитали его достойным человеком. — Подруга принялась не просто тянуть меня за ткань, а активно тыкать указательным пальцем в плечо.

Но чтобы она не хотела сказать, меня это не волновало.

— Ах да, самое главное. Я считаю его весьма привлекательным и импозантным мужчиной. Если бы могла, повторила бы это глядя ему в глаза...

Ольга наконец уgomонилась, а я услышала как за моей спиной что-то упало. Судя по звуку деревянное. Обернулась и...так и застыла с раскрытым ртом.

— Можете повторить. Я весь внимание, — на лестнице, опираясь на плечо старушки Марии, кривясь от боли, стоял он. Тот самый блондин с грустными голубыми глазами.

Половину его лица скрывала медицинская повязка, а на полу у основания лестницы лежала трость. Стоп! Она ещё откуда взялась?

Глава 11 Откуда вы такая?

— Ты зачем с постели поднялся? Доктор же велел лежать, — Филипп Тихонович тут же бросился к сыну, подставляя плечо, чтобы помочь.

— Было дело. Но посетителей он мне принимать не запрещал, — ответил ему блондин. — Не нужно. Подай-ка лучше трость, пожалуйста. — отказался от помощи отца.

— Я же сказал, что сам разберусь, — недовольно проворчал усатый господин. — Не стоило утруждать себя. — Булычёв старший поднял с пола деревянную трость и вручил её сыну. — Тем более, что гости пришли по мою душу. Я же правильно понял?

Смотрел при этом голубоглазый молодой господин только на меня. Стало настолько неловко, что я просто стояла и раскрывала рот как рыба, выброшенная на берег, а сказать толком ничего не могла.

— Пройдёмте в кабинет. Побеседуем, — предложил мой спаситель. — Желательно тет-а-тет. Вашей знакомой придётся подождать здесь, — он кивнул в сторону Ольги, которая не скрывала пренебрежения, разглядывая молодого человека.

— Я. Эм. Мне... — никак не получалось выдать хоть что-то членораздельное.

— Не переживайте. Я не том состоянии, чтобы покуситься на вашу честь. Да и дома мы не одни. Если никто, — блондин снова посмотрел на Ольгу. — не станет болтать лишнего, сплетен не будет, и ваша репутация не пострадает.

— Да что вы себе... — закипела подруга, но я остановила её жестом, давая понять, что это лишнее.

— Я не переживаю. Спасибо, что спустились. На самом деле я очень хотела с вами поговорить. Да только имени не знала. И где вас искать тоже, — призналась, ощущая как щёки начинают гореть от смущения.

— Вы правы. Не до бесед тогда было. Тихон Филиппович Булычёв. К вашим услугам, — мужчина слегка склонил голову, так как поклониться просто не мог. — Пройдёмте?

Хромая и опираясь на трость мой спаситель прошёл в смежную с залом, где нас принимали, комнату, оказавшуюся небольшим кабинетом. Ни его отец, ни старушка Мария за нами не проследовали. Я лишь услышала как за моей спиной закрылась дверь.

Засмотрелась на молодого купца. Высокий, статный. Симпатичный, каким его и запомнила. Только хромает и в бинтах. Одет в белую рубашку и домашние серые брюки. Поверх накинут бархатный тёмно-бордовый халат больше похожий на удлиненный пиджак с поясом. Наверное, мода тут специфическая. Но в наше время на мужчинах я таких никогда не видела.

— Присаживайтесь, — Тихон указал мне на обитое бархатом кресло.

Сам же подошёл к столу и, сделав глубокий вдох, будто собираясь с духом, отодвинул стул и довольно неуклюже устроился на нём, кривясь от боли. Странно, но даже таким он казался мне красивым. Природа одарила молодого человека невероятной внешностью, которой многие могли бы позавидовать. Так бы и любовалась, если бы взгляд то и дело не цеплялся за бинты, которые напоминали, что теперь лицо его изуродовано по моей вине.

— Простите за то, что принимаю вас в таком виде. Можете приступать, — блондин сложил руки в замок и посмотрел на меня.

— К чему? — не поняла я.

— К повторению того, что говорили моему отцу, когда я вас прервал. Не стану отказывать вам в этом удовольствии, раз уж мы остались наедине, — ни толики сарказма.

Тихон Булычёв говорил совершенно серьёзно. Ни намёка на то, что он насмеялся или делал это специально.

— Я хотела поблагодарить вас за спасение моей жизни. Если бы не вы, не сидела бы я сегодня в этом кресле и не бегала бы по городу в поисках работы. К сожалению, мне пока нечем вам за это отплатить, но в скором времени у меня появятся средства, из которых я могла бы...

— Погоди-те ка. Во-первых, деньги тут ни при чём. Это нам стоит вас благодарить. Ведь инцидент дал понять, что поручни на пароходе недостаточно высоки, чтобы обеспечить безопасность пассажиров. Мы внесли изменения в конструкцию и уже заказали новые более надёжные.

Мужчина говорил спокойно, будто то, что с ним случилось, волновало его в меньшей степени чем репутация семейного торгового дома.

— Нам не хотелось бы афишировать данную проблему, поэтому никому из вашего и моего окружения, кроме отца, естественно, и членов команды парохода ничего не известно. — блондин тяжело вздохнуло и коснулся переносицы, будто у него вдруг разболелась голова. — Во-вторых, давайте начнём с комплиментов. Не каждый день, знаете ли мне говорят подобные вещи. С удовольствием послушаю дифирамбы в свой адрес ещё раз, — уголки его губ дрогнули в некоем подобии улыбки.

Немудрено, ведь рана на щеке, должно быть, причиняла значительные неудобства и активной мимики мужчина избегал.

— Кхм, — прочистила горло, готовясь повторить сказанное ранее. — Я сказала, что вы храбры и самоотверженны, раз бросились спасать незнакомую девушку. За что я вам бесконечно признательна. А ещё... — меня словно переклинило.

Никогда не думала, что говорить мужчине комплименты настолько трудно. Малоознакому, да. Но вежливому, симпатичному и глядящему на меня так пристально, что становилось сложно дышать.

Я краснела, пытала, мяла подол юбки, пытаюсь подобрать слова. Сама не знаю, что на меня нашло. За всю жизнь мне ещё ни перед кем не было так совестно.

— Что ещё, Екатерина Александровна? — Булычёв опёрся спиной стул и слегка поморщился.

Видно было, что ему некомфортно находиться в положении сидя, но, тем не менее, мужчина терпеливо ждал, когда я продолжу. Настолько хотел, чтобы я ему польстила?

— Мне жаль, что я тогда испугалась вашего ранения. Шрамы украшают мужчин, знаете ли. Вы и без того хороши собой, а теперь и вовсе...

— Вовсе что? Эталон мужественности? — усмехнулся голубоглазый и зашипел от боли. — Простите, не сдержался. Не стану вас больше мучить. Я не ослышался? Вы ищете работу?

Я так обрадовалась, что не нужно больше пытаться вести себя прилично, чтобы не ляпнуть чего-то неподобающего, что неожиданно для самой себя вскочила с кресла.

— Да! Ищу! Мне просто жизненно необходимо устроиться счетоводом. Иначе я просто умру со скуки после окончания гимназии, — выпалила как на духу, но затем вспомнила о том, что с Булычёвым старшим этот вопрос уже обсудила и тот счёл меня неподходящей кандидатурой.

— Неужели вам не надоели постоянные занятия, цифры и арифметика за столько лет в гимназии? Хотите продолжить учиться даже после её окончания? — мужчина посмотрел на меня с явным подозрением. — А как же посиделки с подругами, приёмы, кавалеры, вышивки и новые шляпки? У работающей дамы вряд ли найдётся на всё это время.

— Поверьте, у меня его будет предостаточно. Кавалер, если не сказать почти муж, уже, уж не знаю, к счастью или нет, имеется. Подругами пока не обзавелась, а шляпки можно присмотреть и в выходной. Одного дня мне хватит с лихвой на личные хотелки, — призналась я, усаживаясь обратно в кресло. — Да только нет в городе для меня места подходящего. Одна надежда была на ваше объявление, но Филипп Тихонович мне уже всё втолковал.

У меня аж слёзы на глаза навернулись, но я упорно пыталась их сдержать. Некрасиво реветь при малознакомом мужчине. Подумает ещё, что я специально плачу, чтобы его разжалобить.

— Отец тут ни при чём. Помощник требуется мне лично. Работы много, а я, к великому моему сожалению, не всегда способен выполнять её в полной мере. — Тихон почему-то кивнул на трость, оставленную им подле стола. — Отсюда и требование о соискателе мужского пола. Взял бы девицу, да толки пойдут, как пить дать. Кто ж поверит, что незамужняя женщина наедине с неженатым мужчиной занимаются сведением дебета с кредитом? Работать-то частенько придётся на дому. Во время обострений болезни я из дома не ходок, — сказал он и внимательно посмотрел на меня.

Мне что же, дают второй шанс? Иначе зачем голубоглазому перечислять требования к соискателю повторно?

— Так вот оно что! — решила ковать железо пока горячо, раз мне так открыто предлагали такую возможность. — Тогда я подхожу? Помолвлена, без пяти минут замужем, горю желанием работать и обучаться новому. На честь вашу посягать не стану, я человек традиционных взглядов, знаете ли. Вы вон какой здоровый, мне с таким не совладать. Извините, конечно, но тогда в реке не по своей инициативе, я вас почти везде пощупала. Да и соблазнять мне вас особо-то и нечем. Вы, полагаю, тоже в тактильном плане в долгу не остались, — хихикнула, вспоминая Катину отражение в зеркале. Её канашки, непослушные рыжие волосы и практически полное отсутствие аппетитных изгибов, которые могли бы заинтересовать мужчину. — А в благодарность за спасение могу хоть бесплатно у вас трудиться столько, сколько скажете, только дайте мне шанс. Прошу...

Я настолько разошлась, что только закончив свою тираду взглянула на собеседника. Он смотрел на меня как-то странно. Принял, поди, за дурочку, которая сама не знает чего хочет от жизни. То за борт бросается в попытке свести счёты с жизнью, то ломится к нему в дом упрашивая принять на работу, и обосновывая это тем, что ей скучно.

Странно, но мне не было стыдно за свои слова. Почему-то я была уверена в том, что не услышу порицания. Мне вообще начало казаться, что сидящий напротив человек - мой давний знакомый. Настолько легко и непринуждённо я чувствовала себя в его обществе. Да и, если говорить начистоту, я ни в чём ему не солгала и была, может даже чуточку излишне откровенна, но предельно честна.

— У меня только один вопрос, — прервал молчание Булычёв. — Откуда вы такая взяли?

— Из Мариинской гимназии. Город Вятка. Улица... не помню какая. Кажется, Московская, — я задумалась, пытаюсь вспомнить точный адрес учебного заведения.

— Забудьте. — отмахнулся мужчина. — Знаете что? Меня подкупила ваша решительность и простота. Когда у вас выпускной?

— Через месяц, кажется. А после него сразу свадьба. Но я готова начать когда скажете. Жених работать мне не запрещал. С этим проблем не будет.

— Так уж и не будет? — одна его бровь, та что находилась на неповреждённой стороне лица, взлетела вверх.

— Нет. Мы всё обсудили. Пусть это вас не беспокоит, — меня почти трясло от напряжения: настолько хотелось получить это место.

— Что же, тогда по рукам. У меня и договор о найме имеется, — Булычёв достал из ящика стола лист бумаги, на котором убористым почерком было что-то написано. — Подпишите и место ваше.

Я не поверила своим глазам, когда блондин вписал в пустую строку, где должно было быть указано имя работника, Катенькины инициалы и фамилию и протянул мне договор. Встала с места, подошла к его столу и дрожащей рукой взяла перо.

— Что? Уже передумали? — спросил мужчина, заметив, что я колеблюсь. — Может, и к лучшему. Кисейная барышня из вас получится отменная.

— Ну уж нет! Каждый сам выбирает свою судьбу. — сжала перо и поставила свою размашистую подпись.

Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Но ведь не зря говорят, что когда кажется, креститься надо. Ой, не зря!

Глава 12 Натворила дел

Из дома Булычёвых мы уехали на бричке, которую предоставил нам старший купец. Ольга всю дорогу возмущалась поведением “хромононого калеки”, который к её великому сожалению оказался моим спасителем.

— Я-то думала, что тебя из пучины вытащил какой-нибудь красавец-удалец с шевелюрой цвета воронова крыла, да глазищами такими, что как глянет- сердце заходится, а тут такое разочарование, — сокрушалась блондинка. — Богат, конечно, статен, но болен да хром. Кому такой в женихи сдался?

— У меня уже один имеется, — вспомнила о синеглазом подозрительном купце, который без моего ведома на всю Вятку объявил о нашем обручении, и вздрогнула. — Позволь напомнить, что мы уехали сегодня в город в поисках работы. И я её нашла. Остальное меня не волнует.

— А зря! Я вот уверена, что проблем с женихом тебе не избежать.

— Я подумаю об этом позже, ладно? Нужно ещё подумать, как рассказать об этом директору и нашей строгой надсмотрщице, — вздохнула я, только теперь понимая, что об этой стороне вопроса не подумала совершенно.

Согласно договору с Булычёвым я должна была приступить к работе немедленно. А, значит, до того как окончу гимназию. Могу ли я ежедневно на несколько часов покидать учебное заведение и как к этому отнесутся преподавательницы и, главное, мой дядя, я не знала.

— О, это я беру на себя. Можешь даже не беспокоиться. Всё улажу, — подруга махнула рукой, будто это действительно была проще простого.

— Эм, как это?

— Не задавай лишних вопросов. Я, может, и ветреная да неширко умна, но многое могу. Папенька меня хоть и сплавил на обучение, но ни в чём любимой доченьке не отказывает, ровно как и братик, — засмеялась она.

И тут я поняла, что совершенно ничего не знаю об Ольге. Ни кто она такая, ни откуда родом, ни даже отчества её и фамилии.

— А папенька твой...

— Купец, Катюш. Первой гильдии. А братик - Сунцов Василь Степаныч, нынешний городской глава. Запомняла что ли?

Вот те на! А мне говорила, что это я - завидная невеста. Я только закусила губу, понимая, что с подругой мне несказанно повезло. Она, конечно, верно сказала, что умом не блещет, но в моей ситуации это было мне даже на руку.

Возница доставил нас обратно в гимназию. Ольга тут же упорхнула в кабинет директора, где пробыла около часа, а когда вернулась в нашу общую комнату, сияла как новенький пятиалтынный.

— Вот и всё! Решено. Начиная с завтрашнего дня ты на занятия не ходишь. Числиться в гимназии будешь до самого выпускного. Работать тебе не запрещено, ровно как и замуж выходить. В любое время можешь под венец отправляться со своим женихом. На свадьбу только позвать не забудь. Сейчас ещё братику записку отправлю с мальчишкой, чтобы он дяде твоему сам намекнул, что тебе неплохо бы зарабатывать, чтобы дома за пятаками не скучать. Они там на своём господском уровне как-нибудь сами этот вопрос закроют.

Девушка стояла довольная собой и ждала благодарности.

— Спасибо тебе огромное. Я даже не знаю как тебе отплатить за такую услугу, — начала я, но Ольга перебила.

— Не надо ничего. Просто держи меня в курсе. Очень уж мне любопытно узнать как к твоей новой работе отнесётся великий и ужасный Тырышкин, и не пойдёт ли он морду бить Булычёву за то, что тот невесту у него переманить пытается.

Блондинка села за стол возле окна, достала чистый лист, макнула перо в чернила и принялась писать обещанную записку городскому главе. Меня же одновременно испугали и задели её слова про “бить морду”. Во-первых, Тихон и так едва на ногах держался и шансов против высоченного Якова у того не было никаких. Во-вторых, очень уж Булычёв был хорош собой (даже не смотря на повязки), чтобы портить такую красоту.

— Так он и не пытается. С чего вдруг им из-за меня отношения выяснять? — возмутилась я.

— Ну как же? Они ведь непримиримые соперники. Оба - владельцы речного флота. У каждого по несколько пароходов, конторы свои. Весь город знает, что этих двоих на один приём звать ни в коем случае нельзя. Между ними так искрит, что рядом стоящих подпалить может. А ты взяла и...натворила дел. Ой, что буууудет, — Ольга мечтательно закатила глаза и улыбнулась сама себе.

Про таких говорят: хлеба и зрелищ. Сестрёнка главы голода не отказалась бы посто-ять в первых рядах, чтобы понаблюдать за предполагаемым мордобоем, а затем растрещать о подробностях свары всем и вся. По секрету, конечно. А может и во всеуслышание. Очень уж она была уверена в себе и в том, что её репутации ничто не навредит.

— Не будет ничего. Не нагнетай. Яков не запрещал мне работать. Я с ним поговорю. А вот как мне Булычёву в глаза смотреть, не знаю. Ведь это он из-за меня так пострадал, что теперь с тростью ходит да в бинтах. Не прыгнул бы спасать, ходил бы бодрячком и не знал проблем, — выдала своей собеседнице то, что беспокоило меня с тех самых пор как я увидела своего спасителя далеко не в добром здравии.

— Полно тебе! Хромает он не из-за тебя. Шутка ли пулю в спину схлопотать? Не умер - уже хорошо, — сказала Ольга, ненадолго отрываясь от письма. — Уж больше года прошло, а он всё никак не оправится. Уж не знаю, сможет ли вообще нормально ходить твой работодатель.

— К-к-кую пулю? — у меня глаза на лоб полезли.

Я-то думала в этом мире всё тихо-спокойно, а тут, оказывается, тот ещё караул творится.

— Так когда ещё в Орлове главой был, уволил там кого-то из городского совета, а тот богачей на него зло затаил. Явился как-то прямо на заседание и кааааак пальнёт из писто-лета прямо в спину спасителю твоему. Хорошо, что стул добротный оказался, пуля неглубоко вошла. А-то приставился бы тот же час твой Булычёв, — рассуждала девушка, посыпая гото-вую записку мелким речным песком, чтобы чернила поскорее высохли.

— Надо же какой гадкий человек оказался этот уволенный! Разве можно вот так в спину стрелять? Это бесчестно, — не выдержала я, а для себя отметила, что Булычёв-то не лыком шит, раз главой города избран был.

— Подробностей не знаю, но, поговаривают, что после того случая отец с сыном бросили свои дела в Орлове, поставив там управляющего, и перебрались к нам в Вятку. Да не одни, а с парой пароходов, чтобы тут речное судоходство развивать. И если бы не Тырышкин твой, уже бы монополистами стали.

— Что ты заладила? Мой тот, мой этот? Не мои они. Просто судьба свела, — разозлилась я.

— Не судьба, а Фортуна. Она, знаешь ли, хоть и капризна, но просто так ничего не делает, — посерьёзнела Ольга. — Ладно, пойду братцу записку с мальчишкой отправлю. А потом нам на Закон Божий и к ужину готовиться.

Катина соученица упорхнула из их общей комнаты, а я погрузилась в собственные мысли. То, что болтушка подруга вот так запросто решила вопрос с директором гимназии было просто

замечательно, но проблем убавило лишь слегка. Мне всё ещё предстояла беседа с женихом, которой я, если говорить начистоту, после рассказа Ольги начала побаиваться.

Весь вечер думала как и когда выбраться в гости к Тырышкину, чтобы ему об этом сообщить. Строила диалог в своём воображении, пытаясь угадать его реакцию. Но в итоге всё пошло не по плану. Начиная с того, что синеглазый Генри Кавилл (он же Яков) явился ко мне сам на следующее же утро.

Глава 13 Смышлёная невеста

С самого подъёма Ольга была наредкость молчалива и задумчива. И это не могло не радовать. В кои то веки девушка не трещала над ухом, а была погружена в мыслительный процесс. Это подарило мне около часа тишины, если не больше.

На что я потратила это время? На самокопание и анализ происходящего вокруг.

Я в другом мире, жива-здоровая, молода, хоть и не писаная красавица. Впереди меня ждёт целая жизнь. А ещё брак по расчёту с господином самоуверенность, получение богатого наследства и новая работа. Вроде и хорошо, но! Я то и дело думала о том, что стало с настоящей Катенькой. Совестно мне было квартировать в чужом теле, не имея представления о том куда отправилась его владелица. Нужно было непременно дожать двоюродного братца и разузнать у него правду, раз он оказался сведущ в этом вопросе.

Поэтому, когда мне сообщили, что меня желает видеть некий господин, я едва ли не вприпрыжку бросилась в уже известную мне аудиторию для визитов родственников. Но, ворвавшись в неё вместе со звуком звонка, огласившего начало очередного урока, встретила взглядом со своим теперь уже официальным женихом.

— Доброго утра, дорогая моя невеста, — поприветствовал меня синеглазый мужчина, выделяя притяжательное местоимение. — Давно не виделись. Как поживаете?

— Доброго, Яков Фомич, — немного опешила я, замерев у входа в комнату.

— Заходите, не стойте столбом. И дверку, будьте так любезны, прикройте. Нам лишние уши ни к чему, — попросил Тырышкин, поднимаясь со стула, на котором сидел.

В то утро на нём был чёрный бархатный костюм-тройка с синей узорной вышивкой по лацканам и рукавам.

“Модник!”: подумала я, но вслух, конечно же, ничего не сказала.

— Чем обязана? — сиплым голосом поинтересовалась я, понимая, что мужчина навестил меня лично далеко не потому что соскучился за пару дней.

— Я - занятой человек, Катерина Александровна, — начал он, подходя ко мне неприлично близко и заслоняя своей фигурой почти весь мой обзор. — но тем не менее, смог выкроить неприлично много своего времени, чтобы заехать к вам сегодня. Повидаться.

Тон его мне не нравился совершенно. Но, стоило взглянуть в тёмно-синие глаза, обрамлённые пушистыми чёрными ресницами, у меня ноги подкосились, и стало трудно дышать. Я вообще чувствовала себя странно, когда этот человек находился рядом. А ведь мне предстояло выйти за него замуж (хоть и без обязательств) и прожить Бог знает сколько времени в статусе супруги богатого купца.

— Благодарю. Мне очень приятно, — учащённое сердцебиение не давало мне ясно мыслить.

А может близость Якова так на меня влияла. Не знаю. Ни разу в жизни так не расплылась перед мужчиной, которого знаю всего пару дней. Хотя нет. Никогда такого со мной не было.

— Это мне приятно, дорогая невеста, что ваш дядя устроил нашу с вами помолвку. Вы даже не представляете насколько я этому рад, — Тырышкин навис надо мной огромной чёрной скалой.

— С чего бы это? — мне хотелось одновременно провалиться сквозь землю, сжаться до размеров крохотной мышки, чтобы прошмыгнуть в щель у основания стены справа, и подняться на носочки, чтобы коснуться получше принюхаться к невероятно-притягательному аромату, исходившему от живого воплощения известного зарубежного актёра.

— Вы умны не по годам, Екатерина, — на лице моего жениха заиграла недобрая улыбка, которая тогда мне показалась просто ангельски прекрасной. — И сделались мне полезной не только как средство прибавки в весе в купеческом сообществе, но и в делах.

— Да? Но вы же сказали, что помощь вам не требуется, — следя за каждым его движением как преданный домашний питомец, вспомнила я.

— Забудьте. Тогда я ещё не знал, какой бриллиант попал в мои руки, — Яков коснулся моей щеки тыльной стороной ладони, что привело меня в полнейший восторг.

По телу пробежала волна мурашек, щёки запылали. Я почувствовала себя влюблённой малолетней девчонкой, которая за одну лишь похвалу объекта обожания готова едва ли не отдаться ему сию же минуту. Откуда только что взялось?

— Поздравляю с приёмом на работу, — Тырышкин выдал то, чего я ну никак не ожидала.

Думала, что он станет сердиться, порицать, скажет, что такой расклад его не устраивает, но получила совершенно обратное.

— Из вас выйдет отличный счетовод, — продолжал щедро сдабривать сладкой патокой раздувшийся на дрожжах взбесившихся гормонов пирог моего самомнения.

— Правда? — полушёпотом спросила я, млея от лестных слов.

— Конечно. Но не будем забывать, что в первую очередь вы - моя невеста, а в будущем и верная супруга, — синеглазый красавец приобнял меня за талию и прижал к себе так, будто мы с ним не позавчера впервые увиделись, а уже как минимум полгода состоим в отношениях.

Мне показалось, что у меня пар из ушей повалил, до такой степени стало душно и неловко.

— Конечно. Самая верная и самая ваша, — прохрипела я, утопая в чарующей синеве.

— А муж и жена, как говорится, одна сатана. Не так ли? — мужчина буквально выдохнул это мне в губы, при этом не касаясь их и обдавая свежим мятным ароматом.

— Мамочки, да будь вы хоть чёрт рогатый, я за вами готова хоть в огонь хоть в воду, — призналась я, пребывая в шоке от собственного поведения.

— Вот и замечательно, Катенька, — Яков слегка коснулся кончиком носа моего, повергая меня в щенячий восторг. — Значит, доступ ко всем архивам, сделкам и нововведениям кампании Булычёва мне обеспечен. Верно?

— Да, всенепременнейше, — кусая губы и стараясь удержать тянущиеся к красивому лицу мужчины руки, ответила я.

Так и хотелось запустить пальцы в его густую тёмную шевелюру и прильнуть к манящим губам. Но я просто не могла наглядеться в его невероятного цвета очи.

“Зацеловала бы, если б можно было.”: подумала и испугалась.

Не мои это были мысли, не мои слова. Снова странная магия Якова сделала из меня мягкотелую куклу, которую он умело дёргал за ниточки, а она и рада была.

— Умница, Катенька. Сегодня же начинайте собирать информацию. Через пару дней жду вас в гости, на чай. Бричку пришлю прямо к крыльцу гимназии, можете не переживать. Кстати, обустройством вашей комнаты в моём доме уже занимаются. Как раз сможете оценить, когда заглянете.

Мужчина аккуратно взял меня за запястья (руки-то я так и держала на весу, не решаясь коснуться его), опуская донельзя напрягшиеся конечности вниз.

— Всё посмотрите, потрогаете, — снова улыбнулся мне Яков, заглядывая в самую душу.

Ох, знал бы он, что именно пришло мне в голову, когда я услышала последнее. Гимназисточка Катенька, готова поспорить, о таком, и помыслить не могла.

Я только нервно сглотнула, кивая как китайский болванчик.

— Что ж, мне пора, Катенька, — очередное ласковое обращение и я забыла как дышать, когда Яков взял меня за руку и оставил на тыльной стороне ладони невесомый поцелуй.

Тырышкин подвёл меня к стулу, на котором расположился ранее, ожидая моего появления, усадил на него и погладил по голове как маленького ребенка.

— Не забудь. Через пару дней. За тобой приедут, — шепнул мне на ухо, склонившись, подмигнул и... ушёл.

Его шаги эхом оставались в моей голове. Хотелось бежать следом, обнять его, попросить остаться. Хоть ненадолго. Но сил не было. Какое-то время я даже рукой пошевелить не могла, словно из меня всю жизнь высосали.

Ожидала ли я, что всё так сложится? Нет, конечно. Перешла с женихом на ты, добровольно сделалась его шпионкой. А самое страшное, что на этот раз желание угодить синеглазому колдуну никуда не делось. И всё о чём я могла думать - это как поскорее добраться до дома Булышнёвых, чтобы начать собирать информацию, необходимую моему ненаглядному.

Глава 14 Проверка на вшивость

Уже в обед к гимназии приехал извозчик, которому было велено доставить меня к дому Булычёвых. Я так торопилась, что не взяла с собой ни счёты, ни шляпку ни даже перчатки, без которых ранее учебного заведения не покидала. Хорошо хоть не забыла повязать на шею ленточку - отличительную черту учениц Мариинской гимназии.

Через каких-то полчаса я уже стояла в приёмной дома Вятских пароходовладельцев.

— Да вы проходите, Катерина Александровна, — предложила уже знакомая мне старушка-прислуга. — Я к молодому хозяину подымусь, доложу.

Женщина ушла, а я осталась одна и воспользовалась возможностью осмотреться. Дорогая обитая бархатом мебель, массивные напольные часы открывающейся дверцей и грузиками, подвешенными на цепях, ковры на полу и зеркало. Удивительно новое, не поблекшее от старости, а словно совсем недавно вышедшее из-под руки мастера.

Такие интерьеры я когда-то видела в музейных особняках писателей или известных купцов девятнадцатого века. Но тогда и мебель и всё остальное выглядели совершенно иначе.

Тяжёлые бархатные алые занавески не просто сообщали о том, что это дом зажиточных господ, они буквально кричали : хозяева этого места баснословно богаты и капиталы их нажиты не за пару лет, а за четверть века упорного труда как минимум.

— Добрый день! — раздалось за моей спиной, и я вздрогнула от неожиданности.

Обернулась и чуть не вскрикнула от неожиданности. Передо мной стоял уже знакомый мне Булычёв младший, но теперь без бинтов и повязок на лице. Через весь лоб и надбровной дуге, а затем ниже по щеке тянулся огромный алый порез, который уже начал рубцеваться, был стянут подобием накладных швов, но не зажил.

— 3-з-здрасте, — разглядывая мужчину, выдавила из себя я. — Ой. Извините, пожалуйста. Доброго дня, Тихон Филиппович. Не ожидала просто, что вы так бесшумно по лестнице спуститесь.

Блондин хмыкнул, поправил ворот своей белоснежной рубашки, поверх которой сегодня красовалась тёмно-серая жилетка с карманными часами и прочистил горло.

— Не стоит оправдываться. Я прекрасно понимаю, чем вызвана ваша реакция. И не осуждаю вас за это. Сам повёл себя похожим образом, когда эти жуткие тряпки наконец сняли, — сообщил мне Тихон и кивнул в сторону рабочего кабинета, в который нам и предстояло пройти.

— Да нет же. Всё не так. Вы замечательно выглядите, — начала оправдываться я.

— Оставьте, Екатерина. А не то я привыкну к тому, что при каждом своём визите вы щедро сдабриваете комплиментами и без того мешающее мне жить самолюбие. Идёмте-ка лучше в поупражняемся в арифметике, — поманил меня за собой купец, но я всё же заметила лёгкую улыбку, проскользнувшую по его лицу, когда он спешно отвернулся.

Кабинет мне тоже был знаком. Именно здесь мы вчера беседовали с Булычёвым, и он, на свой страх и риск, принял меня на работу. А я, по глупости или из отчаяния, подписала рабочий договор. Так он, по крайней мере, назывался.

Невольно залюбовалась высоким красивым мужчиной. Он и раньше казался мне хорошо сложенным, а теперь, когда на Тихоне не было халата или пиджака, я смогла разглядеть рельефность мышц на руках под тонкой тканью рубашки, строгий силуэт и довольно сильные ноги. Только тогда до меня дошло, что передвигался он самостоятельно и без особых усилий.

— А вы сегодня без трости. Почему? — спросила и только потом подумала, что, наверное, это личное.

Блондин взял стул и поставил его рядом с тем, что уже имелся возле рабочего стола.

— Она требуется мне не всегда. Сегодня один из тех дней, когда я могу обойтись своими силами, — Тихон присел на стул и похлопал рукой по второму, приглашая меня занять его.

— А ничего, что мы будем сидеть так близко? Это разве разрешено? — поинтересовалась я, но всё же села подле купца, отмечая про себя, что меня это смущает, хотя не должно.

— Это мой дом. Никто никому ничего не скажет. А повышать голос я не люблю. Мог бы дать вам пару папок с бумагами и оставить тут одну на пару часов, а затем прийти с проверкой, но мне нужен не подневольный работник, а помощник, которому я смогу доверять как себе. — сказал мужчина, напоминая мне о том, что я вообще-то должна выведать секреты его предприятия и передать их Тырышкину. — К тому же, всё, что происходит в этом кабинете - остаётся здесь же. Видите сейф?

Я посмотрела на стену, где на общем фоне выделялась небольшая стальная дверца с ручкой, и кивнула.

— В нём хранятся самые важные документы, касающиеся того, чем вы, Екатерина Александровна, будете заниматься. А это... — Тихон расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, запустил руку под ткань и снял с шеи цепочку с увесистым ключом. — пропуск в мою личную сокровищницу. Можно сказать, к самому моему сердцу. Потому что я живу этим делом. И вас я взял на это место потому что вы сразили меня наповал, — выдал вдруг судовладелец, а я залилась краской по самые кончики ушей.

Никогда ещё мне никто не признавался в чувствах вот так с наскока. Раз и в дамки, как говорится. Сердце заухало в груди как ненормальное. Руки затряслись, во рту пересохло. Стало так неловко и в то же время настолько волнительно, будто я вообще впервые в жизни слышала нечто подобное. А самое главное то, что это были мои эмоции, личные, а не навеянные каким-то гипнозом, магией или... чем там вообще пользовался Яков, чтобы я превращалась в безвольную куклу в его присутствии?

—...своей честностью и открытостью, — добавил блондин, и на меня будто окатило ошатым ледяной воды. Вот же балда, губу раскатала.

“Тут человек жизнь тебе спас, пострадал, не упрекает за то, что теперь не первый красавец (хотя явно был им и до сих пор очень даже ничего), на работу принял, а тебе мало? Захотела ещё и признаний пылких в первый же день? А хо-хо не хо-хо? И вообще! У тебя жених есть!”: костерила себя на чём свет стоит.

— Мало какая уважающая себя девица станет сообщать едва знакомому ей господину, что успела везде его ощупать.

Тихон улыбнулся и тут же зашипел от боли, так как любая мимика доставляла ему дискомфорт.

— Ладно, не будем об этом. Давайте ближе к делу, — плюхнув на стол увесистую папку с бумагами, предложил купец. — Разберем пару примеров того, что вам придётся для меня делать. А затем я дам вам небольшое задание, чтобы проверить, как вы с ним справитесь. Ничего сложного тут нет. Арифметика, да и только.

Булычёв не обманул. Показал мне как рассчитывается цена билета на примере печально известного парохода “Гражданин”, какую выгоду получает с каждого рейса купец и сколько расходов должен покрыть в виде зарплаты экипажу, стоимости топлива и непредвиденных издержек.

Ничего сложного в этом не было. Трудно было сидеть рядом с мужчиной и не думать о том, как приятно от него пахнет, не коситься на пшеничные пряди, спадавшие ему на лоб и не чувствовать себя виноватой том, что теперь его симпатичное лицо украшает огромный уродливый шрам. Пришлось приложить немало усилий, чтобы сосредоточиться на цифрах, а не на моём работодателе.

Вдох-выдох! Вспомнила гимназию, Ольгу и утренний визит Тырышкина. Сразу стало как-то неприятно и гадко на душе. Противно от осознания того, что жених каким-то образом мною манипулировал, а я даже слова поперек сказать не могла. Мысли тут же прояснились. Воспринимать то, что рассказывал Булычёв стало проще и я поняла, что мне стало интересно.

Поэтому когда мы принялись разбирать второй пример, я уже прослеживала закономерности и заранее знала, каким будет результат.

— Не соврали, с арифметикой у вас действительно, неплохо, Екатерина, — похвалил меня купец, когда мы закончили с вводной частью. — А теперь задание: рассчитайте прибыль от продажи полной кассы в праздничный день, если сделать скидку на билет на одну треть, а затем тоже самое, если предложить людям второй билет бесплатно при покупке первого за полную стоимость. Мне нужно ненадолго отлучиться. Прошу простить. Скоро вернусь.

Тихон ушёл, оставив меня в кабинете одну. Дверь при этом закрыл неплотно, но я не обращала на это внимания пока не увидела на самом краю стола... ту самую цепочку, которую блондин не давно снял с шеи, чтобы продемонстрировать её мне.

Рука сама потянулась к заветному ключу. Он оказался довольно увесистым и холодным.

Мне выпал замечательный шанс узнать главные секреты семьи Булычёвых в первый же день.

“Сегодня же начинайте собирать информацию. Через пару дней жду вас в гости, на чай.” — прозвучало в сознании голосом Якова.

Что я расскажу ему, если ни сегодня ни завтра ничего не узнаю? Страх сковал по рукам и ногам. Нужно было срочно вывести хоть что-то. Сделать выбор. И я решилась.

Глава 15 Затащить в постель

Сжимая ключ с цепочкой в руке, вышла в приёмную через неплотно прикрытую дверь. На удивление, в большой комнате никого не оказалось.

Тырышкина я, конечно, побаивалась, но не убьёт же он меня, в самом-то деле, если я не принесу ему интересующих его секретов? А вот Булычёв явно не просто так оставил ключ на столе. Решил проверить новую работницу на вшивость. Но так и я не лыком шита. За всю свою бухгалтерскую карьеру ни разу никого не обворовала, не обманула и не собиралась начинать даже не смотря на то, что оказалась в параллельной вселенной допотопного типа. И пусть тут я Катенька, но принципы Карины никуда не делись. И я совершенно точно не планировала их нарушать.

— Извините, есть тут кто? — попросила привлечь к себе внимание, но ответом мне была лишь тишина.

Подошла к лестнице, прислушалась. На втором этаже тоже было подозрительно тихо.

— Да куда все подевались? — спросила, скорее, сама у себя, так как больше было не у кого. — Мария! Тихон Филиппович!

И снова тишина, которая уже начала пугать. Старушка-прислужница вполне могла отправиться по своим делам на рынок или выйти в сад, но куда подевался мой работодатель?

Вспомнила как уверенно он держался без трости, а также вчерашние слова его отца о том, что молодому человеку велено лежать. Сложила два плюс два и поняла, что если врач предписывает постельный режим, за сутки чудес не случается.

Что если мужчина поднялся к себе в комнату, ему стало плохо, и он теперь лежит там на полу один-одинёшенек и даже не помощь позвать не может?

Рассуждать было не время. Если случилось что-то подобное, то нужно было непременно удостовериться в том, что Булычёв младший в порядке. Ступени лестницы оказались высокими и неудобными, но сделанными на совесть, когда я начала подъём, не раздалось ни единого скрипа. Это пугало. Какой-то дом тишины. Если бы не слышала как тикают большие напольные часы в углу приёмной, решила бы, что оглохла.

Раз ступенька. Два. Три. Держась за массивный поручень, я неуверенно поднималась вверх. Смотреть старалась под ноги, чтобы не упасть. Не привыкла я к таким лестницам, да и юбка в пол не помогала от слова совсем. Её пришлось задрать и придерживать свободной рукой, в которой я сжимала цепочку с ключом от сейфа. Я настолько сосредоточилась на подъёме, что когда последняя ступенька вдруг неожиданно закрипела, вздрогнула и едва не отпустила поручень, за который держалась.

— Вы почему здесь, а не в кабинете? — раздалось совсем рядом, и я наконец подняла взгляд от ступеней.

Передо мной, оперев руки в бока, стоял Булычёв младший. Живой, здоровый и на своих двоих.

— Вы тут, эм...ключи от своего сердца мне случайно оставили, — пытаюсь сообразить в какой руке у меня цепочка, занервничала я.

— Правда? Всегда считал, что это происходит как-то иначе, — огорошил меня купец, пока я соображала как бы мне и юбку не выпустить и за перилину удержаться.

— Вот уж не знаю. Вы бы лучше следили за этим делом. А если бы я оказалась какой-нибудь воровкой? Украла бы самое дорогое, и поминай как звали, — всё-таки выпуская полы юбки, протянула цепочку блондину.

— Поверьте, если бы нашлась дама, способная украсть моё сердце, я бы ни за что не запомнил её имени.

Тихон взял цепочку у меня, подавая мне свободную руку, чтобы помочь с подъёмом.

— Я вовсе не об этом говорю, — отказываясь от предложенной помощи, уверенная в том, что могу и сама, уверенно занесла ногу и...наступила на подол своего же платья, который резко натянулся, вынуждая меня податься вперёд всем корпусом.

Если бы ни Булычёв, лежать бы мне распластанной по полу. Но благодаря ему, я очень даже неплохо устроилась...повиснув в руках мужчины, который среагировал просто мгновенно.

— Ой, извините, — тут же стушевалась я и стала отпираться от державшего меня Тихона, чтобы он неровен час не подумал лишнего.

— Да прекратите же вы, дёргаться, — почему-то не выпуская меня из объятий, купец сделал короткий шаг назад.

— Нет! Мне неловко. Отпустите. Я не специально, честное слово. Оно как-то само так вышло, — причитала я, упираясь руками в довольно-таки крепкую грудь блондина.

— Ничего я не думаю. Просто утомитесь, сзади пустота, упадёте же, Екатерина. Или позавидовали и захотели тоже с тростью передвигаться как я? — чуть повысив голос, спросил Тихон, мгновенно приводя меня в чувства.

— Нет, — затаив дыхание, я замерла в крепких надёжных объятиях.

Булычёв сделал ещё шаг назад. Я - вперёд. Затем ещё один, но какой-то неуверенный. Его хватка ослабла, и я оказалась свободна. Купец же опёрся рукой о стену и скривился.

— Что?

— Вы, уж простите, но не могли бы зайти во вторую комнату справа по коридору и принести мне...

— ...трость? — продолжила я, потому как он так и не договорил, сцепив зубы и зажмурившись.

Ответом мне стал только кивок.

Вот же разлада. Ему, поди, с травмой позвоночника, нельзя тяжести-то поднимать, а тут целая Катерина на нём повисла, да ещё и дрыгаться принялась активнее некуда.

— Сейчас! Я мигом. Только вы это, стойте, не падайте. Мне вас не поднять, — покачав в воздухе указательным пальцем для острастки, попросила я и припустила ко второй двери.

Трость нашла быстро. Она стояла прямо возле двери. Одна из многих, имевшихся в комнате. Приглядываться не стала, всё же чужая спальня - место сакральное. Мало ли что там хозяин прячет, да и он сам сказал, что самое главное у него в сейфе заперто. Отметила только огромный книжный шкаф во всю стену, забитый книгами до отказа, и даже немного позавидовала, потому как всегда хотела богатую библиотеку, но зарплаты хватало только на пару бульварных романов в мягкой обложке из газетного ларька, которые на полку поставить стыдно.

— Вот, — протянула трость мужчине, который так и стоял у стены, почти не шевелясь и не дыша.

Тихон её взял, опёрся, да так, что я заметила как напряглись мышцы на его предплечье. Внушительные, я бы сказала, раз ткань рубашки затрещала по швам.

— Екатерина, Будьте так добры, позовите Марию. Сам я, кажется, не справлюсь, — после нескольких попыток сделать хоть один шаг, сказал блондин.

— Нет её. Уже звала, ещё когда внизу была. Может, на рынок ушла? — высказала своё предположение я.

— Вот же незадача. Скорее всего на почту, а она неблизко. — Мой спаситель недовольно цыкнул и потёр переносицу.

— Давайте я помогу. Что делать?

— Вы? — не смог скрыть удивления мужчина. — Простите, но, как вы совершенно верно выразились вчера, я вас здоровее раза в полтора. Спасибо, конечно, да только, придётся мне как-то самому.

— Ой, бросьте. Как-нибудь сдюжу. Вы мне жизнь спасли. Это самое малое, что я могу для вас сделать. Давайте, опирайтесь на меня. Куда идём? В вашу комнату? — поинтересовалась я, юрко подныривая ему под руку, потому как он уже развернулся в сторону своей спальни.

Оказываться Тихон не стал. Видно, ему действительно было неважно стоять, и уж тем более, передвигаться. Блондин, конечно, очень старался самостоятельно шагать, перенося основной вес на трость, но когда ему это не удавалось, на меня наваливался довольно-таки приличный вес могучего тела. Я пыхтела, краснела, досадовала, что Боженька не наделил Катеньку плечами покрепче да ростом повыше, но молчала и упорно шагала по ставшему каким-то нескончаемым коридору. Но если мне было трудно, то моему работодателю вдвойне. Я буквально чувствовала его напряжение, краем глаза заметила, что на лбу купца выступили крупные капельки пота, он побледнел, до скрежета сжимал зубы, но держался из последних сил.

Справились мы, надо сказать, довольно быстро. Вошли в комнату, подошли к кровати.

— Так, теперь мне надо как-то сподобиться затащить вас в постель? — задыхаясь от натуги, спросила я.

— Боже правый, Екатерина, вы хоть понимаете, как это звучит? — полушёпотом ответил вопросом на вопрос Тихон. Мужчина был белее снега, сил у него осталось разве что на то, чтобы рухнуть на постель и отключиться.

Краем уха я услышала какой-то грохот на первом этаже и догадалась, что это входная дверь.

— Ой, Мария, кажется, вернулась, — обрадовалась я и закричала во всё горло. — На помощь! Мария! Помогите!

— Вы что творите? Она же не так поймёт, — увидела неподдельный ужас в глазах Булычёва, а затем трость надломилась и хрустнула.

Это было фиаско. Потому что весь его немалый вес перебазировался на мои плечи, которые на такую нагрузку рассчитаны не были. Ну не учли в Небесной мастерской при планировании проекта Прозоворой, что Катеньке придётся на себе таскать такого амбала, что тут сказать? И так как я стояла ближе к постели, ноги мои подкосились, и мы с Тихоном дружно завалились на ложе. Причём я оказалась придавлена к кровати здоровенным телом своего спасителя. Из лёгких моментально вышибло весь воздух, так что я могла издавать только какие-то нечленораздельные звуки, больше похожие на стоны.

И, конечно же, словно в дешёвом бульварном романе, коих я прочла за свою жизнь немало, именно в этот момент в комнату кто-то вошёл, услышавшая мой крик о помощи. И была это не Мария.

Глава 16 Пути Господни

— Что за непотребства, Тихон? — прогремел голос Филиппа Булычёва, но ни испугаться ни вздрогнуть я не могла.

Мне банально было нечем дышать, и всё о чём я могла думать - это как бы не умереть от удушья в постели самого симпатичного из мужчин (да, даже несмотря на шрам), которых я когда-либо встречала.

Раздался звук удара, а затем что-то большое и грузное рухнуло на пол. Стало подозрительно тихо. Слышны были только мои отчаянные всхлипывания и полустоны.

— Надо же, как ты продуктивно проводишь время! — услышала голос Ольги, которая склонилась над потерявшим сознание Тихоном и вглядывалась в моё пунцовое лицо. — Хорошо, что я на чеку.

Девушка не без труда стащила судовладельца с меня и подала мне руку, чтобы помочь подняться. Тогда-то я и смогла оценить весь масштаб катастрофы, которой стала причиной.

Булычёв младший лежал без чувств на постели, а его отец - тут же возле двери на полу.

— Ты его убила? — уставившись на Филиппа Тихоновича, спросила я шёпотом.

— Нет, конечно, — подруга упёрла руки в бока, деловито рассматривая свою жертву. — Ему повезло. Мозг не пострадал. Головушка, конечно, пару дней поболит, да и поделом ему.

— За что ты так его? Он же никому не сделал зла.

— А ты бы хотела, чтобы сделал? — сердито посмотрела на меня блондинка. — Ну помог бы он тебе, а потом что? Как бы ты объяснила то, что оказалась в постели с его сыном. Вернее... под ним! Стонала и извивалась как желтобилетница.*

— Как кто? — не поняла я. — Хотя, это и не важно. Ты как тут оказалась? Что нам теперь делать-то? Нужно позвать на помощь. Тихон, он... ему стало плохо.

— Как я сюда попала? Повезло. Что делать? Уносить подальше ноги, пока кто-нибудь ещё не появился. А юрдовому твоему ничего не сделается. Я проверяла, — гимназистка достала из потайного кармана юбки лист бумаги, исчерченный какими-то схемами, замалёванный чуть ли не до дыр.

— Боже мой, что это такое? — решив, что Олюшка не в себе, я решила не задавать провокационных вопросов. Не хватало только сумасшедшей в помощницы.

— Это... тут о таком говорят... пути Господни.

— Ага. Которые неисповедимы. Давай я за помощью схожу, а ты на стульчик присядешь и подождёшь меня здесь, — предложила я девушке, которая совершенно ненормально улыбалась, глядя на каракули.

— Нет! Уходить нужно сию же минуту.

Ольга схватила меня за руку и потащила за собой. Я попыталась упереться, но это не помогло. Меня словно хороший рослый дядька волок следом. Откуда только у неё взялась такая силища?

— Давай живее. Она уже близко, — девушка ещё раз взглянула на свою бумажку, убрала её в карман и припустила бодрее.

Из дома мы выскочили словно пробка из бутылки. Нырнули за угол и притаились.

— Тихо! Пусть войдёт в дом. Тогда и убежим, — скомандовала подруга.

На дороге, ведущей к жилищу Булычёвых показалась Мария. Женщина шла переваливаясь с ноги на ногу и неспеша. Ольга наблюдала за ней из-за угла, а я следила не зная как мне быть. Потому как поведение блондинки не просто настораживало, а наталкивало на недобрые мысли.

— Всё. Бежим, — меня дёрнуло за запястье и потянуло прочь от дома судовладельцев.

Я послушалась, потому как душевное равновесие подруги внушало опасения. И я была не уверена в том, что отказ не приведёт к очередному удару по темечку чем-нибудь тяжёлым, только на этот раз моему.

— Надо же, не соврали карты. Тютелька в тютельку всё рассчитала, — переводя дыхание, сказала Ольга, когда мы наконец остановились возле какой-то лавки. — Теперь нужно поймать бричку и вернуться в гимназию. Меня скоро хватятся.

— Постой. Может ты мне для начала объяснишь, что это вообще было? С тобой всё в порядке? — я отошла от неё на пару шагов (от греха подальше).

— Что? А это? — девушка похлопала себя по бедру, с той стороны где был тот самый карман с её волшебными писаниями. — Это моя помощница в делах. Такая только у меня и у Майкла Джексона**, знаешь? — подмигнула мне гимназистка, а я чуть не охнула, понимая, что листок с кляксами - не самое удивительное на сегодня.

У меня по всему телу мурашки пробежали. Я просто не могла не узнать известное высказывание Космоса из некогда любимого мной сериала. Но откуда оно было известно сестрёнке Вятского главы из параллельной вселенной?

— Ой, да не пугайся ты так. — Цыкнула девушка и махнула рукой, будто всё происходящее было какой-то глупой шуткой. — Не хотела тебе вот так с наскока рассказывать, но, видимо, придётся. Не переживай. Я тебе не враг. Мы на одной стороне.

— Вот уж не знаю, Оль, — тут же припомнила то, как подруга вытолкнула Катерину за борт, да и вообще все её странности и резкие высказывания. — Всё относительно, знаешь ли. Я и сама, если честно, не уверена, на чьей стороне я. На своей, это точно. А одна ли она с той, на которой находишься ты... большой вопрос. Очень сомневаюсь, что гимназистка Олюшка - любительница Российских сериалов про бандитов.

— Эх, Карина, Карина, — покачала головой блондинка. — Не будь меня, утонула бы ты в той речке-вонючке и никакого второго шанса у тебя бы не было. А теперь есть. Могла бы и спасибо сказать.

Эта подозрительная личность сложила руки на груди и посмотрела на меня так, будто я должна была ей чуть ли не в ноги кланяться, и до сих пор этого не сделала.

— Ты, что же выходит? Такая же как Алексей? — вспомнила двоюродного братца Катеньки, который на деле им не был.

При упоминании имени Прозорова Ольга покраснела, закусил губу и отвела взгляд.

— Нет. Мне до него далеко, — сказала и принялась шаркать ножкой по земле. — Не видела что ли какой он? Сильный, статный, могущественный. Да я даже дышать в его присутствии боюсь.

— Да говори уже. Кто ты такая? У меня голова пухнет, — не выдержала я.

— Я-то? Фортуна - божество, приносящее удачу. И та, кто должен вернуть тебя обратно домой. Приятно познакомиться.

Ольга протянула мне руку, приветливо улыбаясь, будто и не злилась минутой ранее.

Стоп! Какое ещё божество? Как это домой? Разве Яков не сказал, что это невозможно?

*Желтобилетница - женщина лёгкого поведения. Желтый билет - официальное разрешение государства, которое выдавалось "ночным бабочкам", проходившим регулярный мед.осмотр.

** Фраза из сериала "Бригада" 2002 года.

Глава 17 Непостоянная Фортуна

— Вот это поворот! — как я ни старалась, скрыть удивление у меня не вышло. — А кое-кто сказал мне, что обратно я не попаду ни при каком раскладе.

— Ой, давай попозже это обсудим. Торопиться надо. — Ушла от ответа девушка.

Стоило Фортуне взмахнуть рукой, как из-за поворота тут же появилась бричка. Пустая. Подъехала к нам и остановилась.

— Вам не в гимназию ли, красавицы? — это оказался уже знакомый нам возница.

— Ага, да поживее. Мы спешим, уважаемый, — уже взбираясь на сиденье, сообщила ему Ольга.

— Обижаете! Разве ж я вас подводил? — мужик подмигнул Катиной подруге и улыбнулся.

Вот что значит везучая. Мне почему-то вспомнилась сценка из мультика по сказке о царевне лягушке. Была там такая Василиса Премудрая, которая в рукава выливали вино и кости со стола. А потом пошла плясать, как махнёт рученькой - из вина - озеро. Махнёт второй - из объедков лебеди. Вот это как раз-таки про Ольгу.

Себя же я почему-то в тот момент ассоциировала с невестами старших принцев, которые хотели бы повторить успех Василисы, да куда им? Косточки эти они запульнули кому-то в глаз, вином забрызгали всех, кто рядом оказался. В общем, с меня писали. Тут же вспомнила как решила проявить себя надёжной и достойной доверия, отправившись возвращать ключ Тихону, а в итоге...оставила обоих Булычёвых без сознания в их же доме и позорно сбежала без объяснений.

Как же мне было стыдно. Мне бы думать о том, что Ольга оказалась какой-то там богиней и заявила, что может вернуть меня обратно, а я только и делала, что переживала за своего, наверное уже бывшего, работодателя. А если он с концами отключился? А если я ему там что-то нарушила, и он теперь вообще ходить не сможет? А если...

— Ты меня вообще не слушаешь, Карина? — вырвал меня из размышлений голос Фортуны. — Я между прочим тебе очень серьёзные вещи объясняю. В каких облаках витаешь?

— Извини, что? Я и правда не слушала, — призналась, осматриваясь.

Мы уже почти приехали в гимназию.

— За квазимоду своего переживаешь? — скривилась девушка. — Ничего ему не будет. Куда уж хуже?

— А ну-ка полегче! Ты, может, и не просто Оленька-гимназистка, но обзывать-то зачем? То юродивым его назвала, то теперь это. Как тебе не стыдно? Это ведь по твоей вине он пострадал, спасая Катерину. То есть меня,— не выдержала я, решив поставить зазнавшуюся подругу на место.

— О-о-о! Зацепил, да? Защищаешь уже своего ненаглядного, — передавая вознице оплату за его работу, ничуть не смутилась голубоглазая. — Да ладно тебе, не сердчай. Идём, внутри поговорим. Не у входа же мне тебе всяко-разно рассказывать.

Я, если честно, не только слушать её не хотела, до того меня разозлили её обзывательства, но даже смотреть в глаза этой недоподруги.

— Даже не спросишь что нужно сделать, чтобы вернуться обратно? — поинтересовалась Ольга, когда мы наконец оказались в нашей общей комнате.

Естественно, никто нас не заметил. При её уровне везения, можно было в этом даже не сомневаться.

— Извиняться, стало быть у вас, божеств, не принято, — скорее констатировала я факт, нежели спросила. — Раз так, то пообещай хотя бы больше не обзывать. Это невежливо. Какая из тебя после этого леди, если ты за языком своим уследить не можешь?

— Ладно. Обещаю, — фыркнула Ольга, усаживаясь на подоконник и высматривая что-то или кого-то на улице. — Мне просто нужно было проверить, на верном ли мы пути.

— И как? Проверила?

— Ага. Всё идёт по плану, — Фортуна улыбнулась так, что я поняла - она действительно довольна.

— И план этот подразумевает... — начала я, чтобы подтолкнуть её к ответу.

— Суший пустяк. — Ольга махнула рукой, будто всё, что ни делалось и впрямь было ради какой-то незначительной мелочи. — Свести вместе определённых людей так, чтобы между ними образовалась и укрепились связи. И не дать тем, кому не судьба быть вместе, сойтись. Всё просто настолько, что даже заморачиваться не нужно.

— А потом что?

— Мы сможем получить энергию, чтобы покинуть этот мир и заберем тебя с собой, — наматывая на указательный палец локон и мечтательно закусывая губу, ответила Фортуна.

— Моё мнение, я так полагаю, не учитывается? Мы - это кто? Ты и Алексей? — мне совершенно не нравилось то, что я слышала, но пока ответы предоставлялись, нужно было успеть задать как можно больше вопросов.

— Неа. Ой, мне же на занятия нужно, — всполошилась Ольга, соскочила с подоконника и, шурша юбками подошла к двери, чтобы уйти...от ответов в том числе.

— Постой! Скажи хотя бы что с Тихоном? Он живой? Я ничего ему не повредила? — схватила Фортуна за запястье, удерживая от побега.

— Конечно повредила.

— Боже мой! Насколько всё серьёзно? Мамочки. Ходить сможет? — никогда не чувствовала себя так паршиво. Ладно бы я навредила сама себе, но конкретно этот человек, с тех пор как я тут оказалась, то и дело страдал по моей вине.

И ладно бы высказал мне за это. Ни словечка ведь не проронил. Не укорил, не дал понять, что это всё моя вина. Наоборот, спас, предложил работу, когда я в ней так нуждалась, был вежлив и обходителен.

— Не сможет, — совершенно спокойно ответила мне Ольга и высвободила запястье, наблюдая за тем как я бледнею на глазах. — Спать спокойно так уж точно. А остальное, даже не знаю. Но на работу тебе завтра ехать не нужно.

— Почему?

— Утром узнаешь.

Больше мне не удалось вытянуть из неё ни слова. Она снова сделалась прежней Ольгой, которая без устали трещала о том как скучно в гимназии, как медленно тянется время, как ей хочется на балы, а ещё лучше в столицу. Ни на один вопрос, касательно богов, миров, возвращения домой и её бумажки-помощницы, подруга не ответила. И да, я-таки успела пожалеть, что сразу не вытянула из неё всё, что только можно.

“Я и так много рассказала. Придёт время, всё узнаешь. Всё равно домой тебе ещё рано.”: выдавала она в перерывах между сетованиями на жизнь в учебном заведении и отсутствие новых нарядов.

Утром же, не скрою, я с замиранием сердца ждала бричку, которая должна была доставить меня к Булычёвым. Переживала, гадала в порядке ли мой работодатель, представляла как сложится наш с Тихоном диалог. Придумывала оправдания, но все они казались мне совершенно глупыми и детскими. Мне ведь не восемнадцать годиков, как Катеньке, а под тридцатник. Опыта жизненного много, а кашу я заварила такую, что лучше бы и впрямь утопла, а не попала в это странное место. Возница действительно явился, но не за мной, а чтобы передать записку.

Знакомым аккуратным почерком на конверте, запечатанным сургучом, было выведено имя адресата. Моё.

“Доброго дня, Екатерина Александровна!

Прошу простить, но сегодня не имею возможности принимать вас у себя для дальнейшего обучения ввиду некоторых затруднений личного характера. Непременно дам вам знать, как только они будут преодолены. Ответственности по найму с себя не слагаю, можете быть покойны. К сожалению, не могу гарантировать вам сохранности обещанного места, но подписанные вами документы остаются в силе, работу вы не потеряете.

Надеюсь на понимание с вашей стороны.

С уважением, Булычёв Т.Ф.”

— Что это значит? — задалась вопросом вслух, когда дочитала до конца. — Как это не будет обещанного места? Куда меня отправят работать?

— Не всё ли тебе равно? Ты ведь хотела быть счетоводом. Вот и будешь. А где? В билетной ли кассе или в конторе Булычёвых на берегу реки - не так важно, не правда ли? Главное, что домой к нему тебе теперь путь заказан, — сказала Ольга, заглядывая в записку, которую я так и держала в руках. — Так даже лучше. Когда там тебе к синеглазому? Поедешь, расскажешь, что произошло. Поплачешься и забудешь про его задание как про страшный сон.

— Ты и об этом знаешь? — удивилась я, хотя, учитывая то, что девушка призналась в своей нечеловеческой сущности, могла бы и не спрашивать.

— Конечно. Для тебя ведь стараюсь, глупая, — на губах её заиграла очередная улыбка, но на этот раз она мне совершенно не понравилась.

Будь Ольга на моей стороне, её проявления эмоций не были бы такими пугающими. Притворная маска дружелюбия и нечто больше походящее на хищный оскал заставляли задуматься о том, не стоит ли держаться от переменчивой Фортуны подальше.

Глава 18 Не хочу быть куклой

День превратился в суший кошмар. Я не находила себе места. Попыталась отпроситься из гимназии, чтобы доехать до дома Булычёвых и узнать о здоровье молодого купца. Но мне, естественно, отказали, хотя до этого препятствий не чинили.

— Как же быть? — совершенно отчаявшись, я сидела у окна и откровенно паниковала. — Сегодня Тырышкин пришлёт за мной возницу и потребует доноса. Что я ему скажу?

— Правду. Что получила от ворот поворот. Что хроменький твой видеть тебя не желает и отправляет работать в контору, — Ольга отложила книгу, которую очень увлечённо читала и уставилась на меня. — Разве это сложно?

— Это тебе сложно перестать обзывать. Что ты заладила? Хромой, косой, рябой, юродивый. Ужас какой! Мне начинает казаться, что ты делаешь это специально, чтобы оттолкнуть меня от Булычёва. Чего он такого сделал, что ты так усердствуешь?

Я ненаشطку рассердилась.

— Лучше б рассказала о том, как именно собралась возвращать меня обратно, — буркнула себе под нос без особой надежды.

— Это должна сделать не я. Моё дело простое - создать подходящие условия для образования связи, а уж извлекать из неё энергию и перемещать души - это не по моей части.

— Как же ты меня сюда притащила? — удивилась я.

— Кто сказал, что это моих рук дело? — ответила Ольга вопросом на вопрос.

— А чьих? Алексея?

— Да не могу я тебе сказать, глупенькая. Просто послушай меня и сделай, что говорю. Всё хорошо будет. Домой вернёшься, жизнь свою прежнюю заживёшь. Забудешь всё, что тут с тобой случилось.

— Может я не хочу, — сказала я так тихо, что сама еле расслышала.

— Твоё согласие не требуется. Тело-то чужое. Всё равно будет так как мы решим. Сиди тихонько не высовывайся. Пару месяцев погостишь в этом мире, а потом мы вернём Катеньку обратно. — Ольга отложила свою книгу и подошла к окну. — О! За тобой прислали. Собирайся да поезжай к Якову.

— Не поеду! — скрестив руки на груди, заявила я.

Сама себе удивилась, но мне надоело, что Катериной (и мной заодно) постоянно кто-то помыкает. Дядюшка её, нашедший ей жениха, Тырышкин, которому неймется узнать все секреты своего конкурента, Алексей и Ольга - странные недоБоги, показания и советы которых в корне расходятся. Один сказал, что домой мне не вернуться, а вторая полностью убеждена в обратном.

Я получила шанс прожить жизнь так, как мне того хотелось бы. В новом мире, новом теле. И назад соберусь только если Катенька сама попросит своё тело назад, что, вряд ли произойдёт.

— Это же ты настояла, чтобы в Катино тело попала именно я? — подошла к Ольге и ткнула ту в плечо указательным пальцем. Та хотела ответить, но я не дала, перебив. — Так вот! Ты просчиталась! Сделала неудачный выбор, Фортуна, или как там тебя. Плясать под вашу дудку я не стану. И к Тырышкину не поеду. Если хочет, пусть сам явится, повторю ему это, глядя в его синющие глаза. Не хочешь рассказывать, что вам от меня нужно, хотя бы не указывай. Я, как тебе известно, не Катенька и мне не восемнадцать годиков. Либо скажи, что я должна сделать и кому это вообще понадобилось, либо помалкивай и не мешай мне жить эту жизнь!

Я настолько разошлась, что даже ногой притопнула под конец. Да так, что сама перепугалась.

— Надо же, как заговорила, — одна бровь подружки взлетела вверх. — Не поедешь? И не надо. Сам явится, — Фортуна достала из кармана свой исчерченных схемами листок, чтобы узнать, куда ведут “пути Господни” и довольно улыбнулась. — Как пить дать. Знаешь как говорят? Не буди лихо, пока оно тихо. Своим отказом ты поднимешь волну, которой можно было избежать. Тебе стоит подумать над своим поведением!

Девушка ушла, нарочито громко хлопнув дверью, а через четверть часа ко мне постучала Ирина Викторовна. Сообщила, что я наказана за то, что не явилась на урок (от которого, правда, была освобождена), и мне следует прочесть и выучить наизусть какую-то там главу из учебника по Закону Божию, который я и читала-то с трудом, не то чтоб запомнить содержание.

Мне было велено расположиться в одной из пустующих аудиторий и заняться делом. Времени дали пару часов. Но я не только не смогла сосредоточиться на чтении, но даже страницу нужную то и дело теряла, так как отвлекалась на собственные мысли.

— Угораздило ж тебя, Кариночка! — сказала вслух и зарылась пальцами в гостые рыжие локоны Кати.

Попала в замечательный удобный мир, в котором и развернуться можно и карьеру построить. И положение досталось такое, что мужики всякие приставать не станут, и условия все и наследство на горизонте. Но нет! Разве доставалась мне хоть когда-то бочка мёда без ложки дёгтя? Никогда.

Ни когда сиротой осталась в молодые годы, ни когда голодала, живя на стипендию и копейки от многочисленных подработок, но всё-таки продолжала учиться в университете, чтобы получить образование. Ни когда встретила, как мне тогда казалось, свою первую и самую настоящую любовь, жестоко при этом обманувшись.

Вот только второй шанс выпадает не каждому. И я свой упускать не собиралась. Придумала план, решила, что и без наследства не пропаду, если вдруг не срастется с Тырышкиным. И даже захотела, чтобы не срослось. Он должен был вот-вот нагрять.

Ольга, может, и немного полоумная и себе на уме, но её бумажка пока ещё ни разу не врала. Значит, появления жениха стоило ждать с минуты на минуту.

Подошла к окну как раз в тот момент, когда возле входа в гимназию остановилась крытая повозка.

— Приехал! Быстро он. — Запаниковала, но всё-таки постаралась взять волю в кулак.

Главное было не смотреть колдуну в глаза. Я не дуручка, давно заподозрила, что он как-то странно на меня влияет. Раз в этом мире нашлись Боги, значит и черти вполне себе могли иметься. И женишок мой, кажется, был одним из них.

Не прошло и пяти минут как в дверь постучали.

— Катенька, к тебе гости. Побеседуйте, но недолго. Время к полднику, — услышала голос правой руки директрисы гимназии.

— Конечно, Ирина Викторовна, — ответила и сжала в руках учебник, держась за него так, будто он один способен был обеспечить мне связь с реальностью и не позволить попасть под чары Тырышкина.

Дверь со скрипом приоткрылась, и за моей спиной раздались шаги. Я резко обернулась, глядя при этом строго в пол и словно молитву повторяя про себя : “Не смотри ему в глаза! Не смотри!”

— Добрый день! — выпалила я, и не дожидаясь ответа тут же продолжила. — Прошу, позвольте высказаться первой.

Мужчина аккуратно прикрыл за собой дверь и сделал пару шагов мне навстречу. Кожа-ные начищенные до блеска ботинки, брюки с иголочки с расшитыми каким-то новым узором по низу на крепких длинных ногах. Сомнений не было. Передо мной стоял Яков Тырышкин. Только он один из всех, кого я встречала до сих пор, зарекомендовал себя заядлым модником и любителем индивидуальных мелочей на одежде.

— Знаю, что поступила некрасиво. Должна была приехать, доложить. Но знаете что? — мой голос сорвался на какой-то жалкий хрип. — Не стану я вашей куклой. Будете так себя вести, каши мы с вами не сварим. Будьте добры действовать честными методами.

Мой гость молчал. Видимо ждал, когда я закончу, чтобы начать отчитывать за своеволие и неподчинение.

“Не смотри на него. Вообще не отрывай взгляд от пола!” — повторяла про себя, так как поняла, что это работает. Я продолжала отдавать себе отчёт в своих действиях и мыслила здраво.

— Ладно. Раз уж на то пошло, то скажу. Дав объявление в газету о нашей помолвке вы поступили некрасиво. Меня не спросили. Может я передумала? А я... передумала. Не нужно мне папенькино наследство. Как-нибудь сдюжу сама. Буду работать в билетной кассе или, где там ещё? В конторе. Сама себя обеспечу и не пропаду. Дома сидеть и не квакать, уж увольте, я не согласна. И вообще, если хотите знать, ваш конкурент Булычёв куда более приятен мне как человек и мужчина. Спокойный, уравновешенный, честный. Без пафоса и предрассудков. Сомневаюсь, что он подсылал к вам кого-то, дабы выведать какие скелеты припрятаны в вашем шкафу. Вам бы в этом с него пример брать, а не соперничать! За такого я, наверное, не глядя пошла бы замуж.

Повисла пугающая тишина. Признаюсь, ждала чего угодно: угроз, реплик недовольства, тихой агрессии, того, что меня снова окутает какой-то демонической магией, и я размякну, кивая как болванчик, и на всё соглашаясь. Но вместо этого услышала только грохот падающей на пол трости, которую до этого мужчина держал в руках.

И только тогда, поняв, как сильно ошиблась, в ужасе взглянула на своего гостя. Передо мной, уставившись на меня не менее удивлённо чем я на него, стоял Тихон Булычёв.

Глава 19 Нравлюсь тебе?

Из моих рук выпал учебник и шумно бахнулся на пол. Но ни я ни Булычёв даже не моргнули.

— Ой, мамочки, — приходя в себя, я бросилась поднимать трость, которую уронил купец. — Как некрасиво вышло. Простите, Бога ради.

Мне было настолько стыдно, что даже когда я взяла деревянную помощницу Тихона в руки, смелости встать не доставало.

Выдала себя с потрохами. И то, что замуж я выхожу по расчёту, и что жених велел мне выведать секреты своего конкурента и... вот же дууууурочка! А Ольге вещала, что не маленькая девочка, а умудрённая опытом женщина. Ага! Какое там?

Мельком виновато взглянула на вызывавшегося надо мной Тихона и захотела сквозь землю провалиться. Выражение его лица сменилось с удивлённого на... надменное? Пренебрежительное? Я даже не знала как лучше описать то, что увидела. Голубые глаза купца смотрели холодно и отрешённо. А, может, с жалостью? Я никак не могла понять, что именно в них увидела.

— Я бы с удовольствием присел на корточки, чтобы помочь вам подняться, но в моём нынешнем состоянии способен, разве что руку подать, — слегка охрипшим голосом сказал Булычёв, когда мои “объятия” с его тростью затянулись. — Да и не привык я, чтобы девицы передо мной на колени падали. Извольте, — на уровень моих глаз опустил её широкая ладонь.

Рано или поздно всё-равно пришлось бы встать, так что от помощи я не отказалась. Поднялась, понимая, что залилась краской до кончиков ушей. Щёки горели, руки тряслись, дыхание сбилось.

— Простите, я приняла вас за другого, — пискнула я, передавая трость её хозяину.

— Вообще-то, это я приехал к вам извиняться. Но, если честно, даже не знаю с чего начать. Вы слегка выбили меня из колеи своею неожиданной тирадой, — Тихон взял из моих рук трость, опёрся на неё, потёр переносицу свободной рукой и прочистил горло.

И если я стояла перед ним красная как рак, то, нужно отдать должное Булычёву, цвет его лица остался неизменным, только слегка порозовели мочки ушей. Смутился-таки?

— Я. Мне. Господи Боже. Мне так совестно. Словами не передать. — на глаза навернулись слёзы.

Ни разу в жизни не попадала в столь нелепые ситуации. А после “смерти” угодила не два и не три. И все мои конфузы были неизменно связаны с одним и тем же человеком.

— Что же это я? Вы в порядке? Живой? — на нервах принялась зачем-то щупать его везде, куда могла дотянуться.

Коснулась плечей, предплечий, прошлась ладонями по груди.

— Екатерина Александровна, — услышала, а сама ощутила как купец напрягся от моих прикосновений. — Даже не знаю, что хуже. То, что вы вытворяете или то, что я позволяю вам это с собой делать. Будьте любезны, уберите ваши нежные ручки, я, может, и не совсем здоров, но рассудка не лишился. Пока. Хотя несколькими минутами ранее мне показалось, что у меня слуховые галлюцинации. Мне же показалось?

— Нет, — пискнула я, спешно отнимая руки и не зная куда их деть. — То есть да.

Уставилась в пол, склонив голову как провинившаяся школьница, которая ждала порицания преподавателя.

— Нет, что? И что да? Не мямлите. Я не любитель строить догадки, — купец говорил строго, но спокойно.

— Не показалось. Я действительно не хотела выдавать ваши секреты своему жениху. И не собиралась этого делать. Мне ужасно стыдно за то, что так получилось. И замуж я должна выйти, — у меня ком встал в горле, стало сложно говорить, но я собралась и продолжила. — по расчёту. Чтобы не остаться без гроша, когда выпущусь из гимназии.

— Неужели не нашлось кандидата в женихи получше? — Тихон скривился, будто говорил о ком-то очень и очень ему неприятном.

Я виновато вздохнула и принялась мять юбку платья, пытаюсь придумать хоть какое-то оправдание своему поведению. Не хотелось, чтобы он подумал будто я сама не знаю чего желаю и как последняя идиотка впутываюсь в сомнительные авантюры.

— Вы нашлись, — буркнула и только потом поняла, как это прозвучало. — Ну вот опять. Я не в том смысле. Вернее, и в том тоже. Вы взяли меня на работу, оклад обещали. Теперь мне не нужны папенькины капиталы. По миру не пойду даже если ни рубля не получу по завещанию.

— Катерина, успокойтесь. Вы так прерывисто дышите, что того и гляди в обморок упадёте от нехватки воздуха, — мужчина отошёл от меня на пару шагов, выставя руку ладонью вперёд, чтобы я могла собраться с мыслями. — Так лучше?

Кивнула, закрывая лицо руками.

— Ну, полно. Угмонитесь. Всё хорошо. Давайте, вдох-выдох. Всё поправимо. Не хотите замуж - не выходите. Никто вас неволить не станет. Домострой давно отменили, — его приятный голос успокаивал. Я действительно начала понемногу приходить в себя.

— Легко вам говорить. Вы не девица-сирота, за которую заступиться некому, — всхлинула я, отирая слёзы, которые покатились по щекам. — У меня из родни только дядя, и это он посоветовал мне Тырышкина в женихи.

— Яков Алексеевич? — удивился Тихон.

— Угу.

— Давайте я с ним поговорю? Мы с Прозоровым хорошие друзья. Уверен, всё прояснится.

— Поздно. — словно гром среди ясного неба раздался голос того, кого мне сейчас как раз-таки и не хватало для “полного счастья”.

В аудиторию без стука с видом хозяина положения и источая уверенность в каждом жесте вошёл Яков Тырышкин.

Тогда-то я и поняла, что именно имела в виду Ольга, когда говорила, что этих двоих опасно приглашать на званые вечера. Между ними словно искра проскочила, хотя Булычёв стоял к двери спиной. Выражение лица блондина мгновенно изменилось. Если до этого он излучал дружелюбие и спокойствие, то теперь кулаки непроизвольно сжались, брови нахмурились, челюсти сжались.

— Екатерина - моя невеста. В газете объявили о помолвке. Свадьбе быть. У нас уговор.

Синеглазый вошёл в классную комнату, как бы невзначай задевая Тихона, отчего тот скривился, но в сторону не отошёл.

— Как тогда с заводом паровых механизмов? — Булычёв сжал трость так, что аж костяшки побелели.

— Именно. Я заплатил больше. Двигатель продали мне. Мой пароход пришёл в Вятку раньше. Ты остался не у дел. Всё законно.

— Ты узнал сумму сделки и перебил ставку, это бесчестно, — на лице Тихона заходили желваки.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что эти двое ненавидят друг друга. И, скорее всего, небезосновательно.

— Бесчестно - девок портить до свадьбы. Всё остальное - рабочий процесс. Не будем об этом. Будь добр, освободи помещение. Нам с невестой нужно поговорить тет-а-тет, — послед-

нее Яков произнёс с нажимом, глядя на меня своими синюшими глазами. Красивыми до чёртиков.

У меня дыхание спёрло. Я забыла, что в мы в помещении не одни.

— Да, — руки безвольно повисли вдоль тела, я только и могла, что смотреть на Тырышкина и ловить каждое его слово, готовая исполнить любое его пожелание.

— Катерина, что с вами? — услышала откуда-то издалека знакомый голос, но не обернулась.

В тот момент мир для меня перестал существовать. Значение имел только он. Человек заставляющий моё сердце биться чаще.

— С ней всё в порядке. Неужто не видишь, что меж нами любовь. Девушка дар речи потеряла от чувств. А ты, будь добр, оформи её увольнение сегодня же. И пришли мне соответствующие бумаги. Коли не желает она у тебя работать, будет дома сидеть, досуг мой скрашивать.

Яков обхватил меня за талию и притянул к себе. Я не сопротивлялась, хотя понимала, что что-то не так. Краем глаза заметила реакцию Тихона на это. Он смотрел на нас в задумчивости. Конечно, ведь пару минут назад я говорила ему, что не хочу замуж за Тырышкина, а теперь едва ли не вешалась тому на шею.

— Что за чертовщина? — задался вопросом Булычёв. — Яков, никогда бы не поверил, если бы не видел сам. Что ты с ней сделал?

— Ничего. Катенька идёт за меня по своей воле. Так ведь? — обратился ко мне синеглазый.

— Да.

— Быть такого не может, — снова откуда-то издалека раздосадованный голос Тихона. Он всё ещё здесь? Почему? Может, всё-таки ушёл?

Раздались шаги, сопровождаемые тихим стуком трости и деревянный пол.

— Смирись. Ты проигрываешь мне по всем фронтам. — выкрикнул Яков вслед своему конкуренту. — Баба что пароход. Кто больше предложит, того и будет. Да и девушки всегда предпочитали брюнетов, — усмехнулся Тырышкин, выпуская меня из плена своих душных объятий. — Скажи, Катерина, нравлюсь ведь тебе?

— Да, — ответила я, запинаясь. — Нравится, Тихон Филиппович.

Не сразу поняла, что сказала. Сначала услышала грохот, затем меня куда-то дёрнуло, и губы накрыло горячим поцелуем.

Сладко, томно, страстно.

“Надо же как шикарно целуется этот колдун!”, подумала, отвечая и откровенно постанывая от удовольствия. : “Надеюсь, Булычёв этого не видит.”

— Ах, ты сволочь! Да я тебя за это сгною в долговой яме! Ты не жилец, белобрысый! — услышала гневный вопль моего жениха откуда-то из-за спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.